

18+

Галина Веч

Полёты наяву

Галина Веч Полёты наяву

<https://litres.ru/74301838>

ISBN 9785007084208

Аннотация

Живёт одна женщина в эпоху перемен. И всё у неё хорошо. Счастливая семья: муж, двое детей. И любимая работа. Но вот однажды ломается привычный ход вещей. Она улетает... Тяга к полётам у неё с детства. Возвращение мучительно. Она погружается в прошлое и начинает анализировать свою жизнь. Что же было в ней не так... В конце концов она предстаёт перед выбором: семья или полёты?..

Содержание

Часть 1.	5
Глава 1. Японский зонтик	6
Глава 2. С луны свалилась	13
Глава 3. Любовь	39
Глава 4. Беда	86
Глава 5. Доченька	95
Часть 2.	111
Глава 1. Ад	111
Глава 2. Боль	122
Глава 3. Размолвка, или Второй урок	128
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Полёты наяву

Галина Веч

Корректор Наталия Карелина

© Галина Веч, 2026

ISBN 978-5-0070-8420-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1.

Нежность

Я вжимаюсь в моего мужа. Со всей силы, на какую способна. Прячу своё хрупкое в его большом, надёжном. Мне хочется нежности до бесконечности, до озарения зорь. Так сказал поэт. И точно так же чувствую я.

— Скажи мне что-нибудь тёплое, — прошу я.

— Одеяло, — ласково шепчет муж, опутывая меня крепкими руками. И я растворяюсь в нём. Рассыпаюсь на цветные стёклышки хрустального смеха. Мой смех похож на звон колокольчиков.

Этот диалог — ритуальный. Он периодически возникает в нашей жизни. И означает наивысшую точку проявления чувства взаимной признательности. Миг счастья.

Глава 1. Японский зонтик

Мы сидели в кафе на открытой площадке. Томилось ласковое солнце, лениво скатываясь с небес. Тёплый ветерок шаловливо перебирал локоны моих длинных волос, купался в пышных волнах густых шевелюр моих дочерей, шелестел кое-где пожелтевшими листьями белоствольных берёз, слегка раскачивая ветви. Жара стояла уже несколько дней, что необычно для нашего уютного северного городка в середине августа. Мы заказали мороженое и находились в состоянии ожидания прохладного воздушного чуда, лениво перебрасываясь ничего не значащими словами. Окружающая тишина умиротворённо действовала на душевное состояние. И ничто, казалось, не предвещало смены настроения в природе, в нас самих — того урагана стихии, который буквально захлестнёт моё семейство, сметая на своём пути всё более или менее логичное, ломая и круша тонкие перегородки выстроенных временем отношений. А пока мы, ничего не подозревая о том, что произойдёт всего лишь через час, наполнялись ароматами бытия.

— Чудесная погода, — говорю я, наслаждаясь теплом уходящего лета.

— Парит, однако, — замечает мой муж, обливаясь потом. Я достаю из сумочки носовой платок и подаю ему. — Дождь будет, — добавляет он, вытирая мокрый лоб и шею.

В лучах утомлённого солнца Михаил выглядит необыкновенно. Белая турецкая футболка хорошего качества оттеняет его загорелое лицо и очень ему идёт. Я смотрю на него неотрывно и улыбаюсь. Он смущается, кивком как бы спрашивая: «Фто?», эта его вечная привычка менять букву «ч» на «ф» всегда умиляла меня. Я отрицательно мотаю головой, ничего, мол, всё в порядке. За семнадцать лет совместной жизни он так и не научился выдерживать этот мой пристальный взгляд и различать его оттенки и беспокоился, не понимая, что же он означает. И в поединках взглядов, будь то «сражение», или игра, или признание в любви, победа всегда оставалась за мной. Он первый отводил глаза в сторону.

— Ты красивый, — произношу задумчиво и отвлекаюсь, полностью растворяясь, разлагаясь на мелкие частицы.

Как будто эти шелестящие листья, и ещё зелёная бодренькая трава, и разноцветные удивительно милые астры неподалёку, и ветер — всё это часть меня, а я — продолжение всего этого.

Теперь взгляд мой плывёт мимо. Мимо мужа, мимо деревьев. Мимо, мимо, мимо... Я смотрю так глубоко и так далеко нахожусь от этого места, что ничего не вижу и не слышу, будто меня тут вовсе и нет.

— Ма-ам, ты где? — зовёт Рита и проводит ладонью перед моим лицом, как бы преграждая мне путь в никуда.

Я медленно возвращаюсь.

— Сколько можно ждать уже? Надоело, — с лёгким раз-

дражением произносит торопыжка Надя.

— А куда торопиться, Надюха?! Сиди отдыхай! — добродушно уговаривает её отец.

— Ну конечно. В жаре такой... Могли бы и пошевелиться, — строптиво задирает свой и без того вздёрнутый нос наша нетерпеливая дочь. — Уроды.

— Наде-ежда! — укоризненно протягиваю я.

— Нет, ну правда, мам. Можно ведь нормально обслужить, — заступается за сестру Рита.

— Давайте подойдём и так прямо и скажем: «Ну, вы, уроды, быстро мороженое на стол», — шутовским голосом, изображая урку, говорит Михаил.

Девчонки подхватывают жестокую шутку, изгаляясь над русским языком каждая на свой лад. И постепенно начинают посмеиваться сами над собой.

Ожидание становится менее утомительным. Время летит незаметно, и, кажется, уже через минуту полная и действительно не слишком расторопная девица ставит перед нами чаши с долгожданным десертом.

— А вот и мороженое, — неосторожно роняю я мирную фразу.

— Не прошло и полгода, — с долей сарказма замечает Рита.

Этот маленький эпизод не мог сломать прежнего настроения. Всё было как и было. И солнечные лучи так же озорно сбежали с небес, играя светом и тенью, и ветерок по-прежнему

ласкался, как ребёнок.

— Рит, дай попробовать твоего, — просит, подлизываясь, Надя и, не дожидаясь разрешения, тут же запускает ложку в чашку сестры и, чуть не опрокинув её, мгновенно перетаскивает к себе солидный шар мороженого, капнув при этом Рите на ногу. — Ой, Ритуля, прости. Я не хотела...

— Дура! — запоздало реагирует не успевшая защититься от экспроприации своей порции Рита.

— Сама дура, — мгновенно отбивается сестра, обиженно надув губки.

— Дура-пура, дура-пура, — иронично и как-то радостно скандирует Михаил. Похоже, сегодня ничто не могло выбить его из благодушного состояния.

— Не-вы-но-си-мо! — взрываюсь вдруг я.

От неожиданности замирают мои домочадцы, глядя на меня во все глаза.

Останавливаюсь на мгновение и я, прислушиваясь к себе. Но необузданный поток бешенства захлёстывает с головой, я не успеваю понять, что со мной происходит, и начинаю с новой силой раздражённо орать, не особенно, правда, громко:

— Надоело слушать ваши бесконечные перепалки, оскорбления. Грубость ваша надоела. Вы никогда не повзрослеете, никогда не станете нормальными людьми...

Бросив последнюю фразу как приговор, замираю. Ужасаюсь собственной чудовищной жестокости. С меня, будто с гуся вода, сливаются все негативные эмоции.

Опустошённая собственным неоправданным выпадом, некоторое время молча гляжу вокруг. Новая волна покоя накатывает на меня, медленно разливаясь по всему организму.

Но ненадолго. Кажется, уже через секунду так же неожиданно, как и внутри меня, вокруг начало происходить что-то невообразимое, будто сама природа отчего-то взбунтовалась. Подул сильный порывистый ветер, мгновенно сдвинув облака в тучи, за которыми скрылось солнце. Неистово раскачивались ветви деревьев, цветы склонялись к земле. Со столов разлетались салфетки.

Полная эйфория передалась и мне... Мои глаза блестели от возбуждения. Одной рукой я успела зацепиться за пролетающий мимо японский зонтик и повисла в воздухе.

Безмолвно смотрели на меня дети и муж. Изумление застыло на их лицах.

Первым опомнился Михаил. Он подскочил ко мне и ухватил меня за ступню.

— Ой! Щекотно! — радостно восклицаю я и начинаю смеяться. И слышу в своём смехе звон колокольчиков, чего давненько не случалось.

Муж ослабил хватку, и я вырвалась на свободу. И переместилась в пространстве — чуть выше и дальше.

Новый не очень сильный порыв ветра выхватил у меня зонтик и умчался с ним дальше. Но странное дело, я оставалась висеть в воздухе. При этом волосы мои вздыбились, будто я летела вниз со стометровой вышки без головного убора.

Казалось, волосы играют роль парашюта.

То, что я не падала, было странно и здорово. Мои девочки тоже потихоньку стали приходить в себя.

— Мапочка, что случилось? — с беспокойством произносит Надя.

— Как тебе это удаётся?! — недоумевает Рита.

— Не знаю. Очень хотелось. Поэтому, наверное.

— Ри-и-ита, — со знакомой интонацией тянет Надя. — Ты не понимаешь. Мама у нас худенькая такая стала, вот ветер её и подхватил.

— Я ещё в детстве летала. Разве я не рассказывала? Взлететь может каждый. Просто мы забыли, как это здорово. И не верим в возможность полёта. И боимся оторваться от земли.

— Так не бывает, — почти одновременно возражают мои дочери.

— Я тоже хочу! — через короткую паузу восклицает Рита и начинает подпрыгивать, размахивая руками. — Не получается, — грустно вздыхает она после нескольких неудачных попыток. Останавливается неподалёку от Нади и смотрит на меня в замешательстве.

— Что же вы стоите?! — кричит в сердцах Михаил, тщетно пытаясь поймать меня за ноги. — Ловите мать! Улетит!

— Пускай! Пускай летит! — орут девчонки, и обе начинают подпрыгивать и кружиться.

— Вы с ума посходили, что ли? Как мы без матери?!

Михаил гоняется за мной, но всякий раз, когда он пыта-

ется ухватить меня, мне удаётся переместиться в пространстве. И при этом я продолжаю смеяться колокольчиковым смехом.

— Ты спала. Тебе всё приснилось.

— Да нет же, нет. Я прожила эту жизнь. Месяц, целый месяц меня не было дома.

— Я пока ещё не сошёл с ума...

Глава 2. С луны свалилась

Когда это началось? Полёты! Вспоминаю. Ещё в детстве.

Я отталкивалась от дощатого крашеного пола школьного коридора и, словно гимнастка, делающая в воздухе шпагат, пролетала метра два, касалась носком другой ноги твёрдой поверхности и летела дальше, как в невесомости.

Это были первые робкие шаги в освоении пространства. Я преодолевала длиннющий коридор за считанные секунды. Было так здорово, что дух захватывало, и я задышалась от восторга. Конечно, делала я это втайне от всех, когда вокруг не было ни души. Добродушная тётя Маша, наша техничка, звонившая в колокольчик (такие висели на бурёнках, чтобы они не потерялись), возвещая о начале и окончании уроков, не в счёт. Она со спокойным и молчаливым пониманием относилась ко всем проявлениям школьной жизни.

И только вырываясь из плена стен, я давала волю своей дикой необузданности, выпуская пар радости бытия на свободу. Какое там расстояние?.. От школы, то есть практически от центра посёлка, до моего родного дома, затерянного между беспорядочно разбросанными его собратями и островками зелёных холмов, на самой окраине, вокруг которой смешанные леса со всех сторон наступают на огороды нашей неправильной улицы? Километра полтора, наверное. А может, чуть меньше. Минут двадцать спокойной ходьбы. Я это

расстояние преодолевала намного быстрее, несясь со скоростью испуганной лани. Со скакалкой или без неё. Всё равно.

Мама мои воздушные порывы не сдерживала. Не запрещала. Но и не поощряла. И не давала советов. Мама смотрела на мои чудачества спокойным усталым взглядом, и я не понимала, одобряет она полёты или осуждает.

Только сейчас, с высоты прожитых лет, я могу вынести в той или иной мере достоверное суждение о том, почему мама занимала созерцательно-выжидательную позицию. Моя мама была мудрым человеком с сильным характером. Имея за плечами всего два класса образования, «а третий — коридор», как говорила о себе сама, она философски относилась ко всему. Каждый ребёнок должен пройти свой путь познания, в который вмешиваться нельзя. И нельзя предупредить то, что должно совершиться, — невозможно подстелить соломки для мягкости падения. Вернее, нельзя этого делать. Вероятно, так считала мама.

Шишки и синяки закалили мой слабый, противоречивый характер. В минуту опасности я могу противостоять ударам судьбы, подобно стене.

Насколько крепка стена — другой вопрос, не выясненный до конца.

Если говорить об отце, одной фразы будет достаточно: ни разу не поднял руки ни на меня, ни на брата. И даже не погрозил ремнём. И никогда не читал нравоучений. Мой папа окончил восьмилетку и ПТУ и читал толстую книгу «Война

и мир» Льва Толстого. Он большой молчун. И большой тру-
дого.

Учителя... Наши добрые сельские учителя. Мудрые по-
своему. Строгие и категоричные. Надо делать то, что поло-
жено. У школьника есть определённые обязанности, и он
должен их выполнять. Быть опрятным, дисциплинирован-
ным, готовым к урокам. Всё лишнее следует изживать. Полё-
ты?.. Нечего летать в облаках. Спуститесь на грешную зем-
лю! Осваивайте азы школьных предметов! Важно стать все-
сторонне образованным человеком. Всего понемножку. А
как же иначе понять природу вещей?

Физические явления, химические реакции, эволюцион-
ные процессы. Казалось бы, зачем Петрову знать теорию от-
носительности или зубрить аксиомы, которые не надо дока-
зывать? Ну не пересекаются эти параллельные прямые, и ему
это параллельно. Зачем ему забивать голову всякой чепу-
хой, когда он чувствует жизнь руками? И он по два года си-
дит практически в каждом классе, а когда получит аттестат
о среднем образовании, устроится в леспромхоз разнорабо-
чим и будет пилить лесины на доски...

А мне интересно было всё. От математики до литературы
и физкультуры. Разбросанность моих увлечений не удивля-
ла меня, я не задавала себе никаких вопросов. Зачем мне это
надо? Для расширения сознания — так много позже форму-
лировалась моя тяга к познанию, выбравшись из подсозна-
ния и материализовавшись в мыслях.

Я продолжала летать, но редко. Вера в такую возможность поблекла, затаившись где-то в глубине души. Это всего лишь мои фантазии, думала я. Но мало что изменилось в восприятии меня другими. Вместо «не от мира сего» мне вслед чаще раздавалось: «не такая, как все». В тесные рамки обыденности моё сознание не вмещалось.

А потом был институт культуры. Третий курс. И... новое потрясение. Я не одна в этом мире грёз и необычностей.

Я, как всегда, опоздала.

Мой муж пришёл с работы раньше, чтобы отпустить меня на занятия по режиссуре. Он остался нянчиться с нашей малышкой, которой не было ещё и полугода, а я побежала на троллейбус, доехала до конечной остановки и, заскочив на молочную кухню за кефиром для дочки (молока в моей хрупкой груди было мало), наконец оказалась у двери нашей театральной студии.

Худая гончая, в красном, облегающем фигуру свитере и узеньких брючках, с шевелюрой Анджелы Дэвис (чуть ниже лопаток) после химической завивки, я тихонько прошмыгнула на краешек второго ряда амфитеатра и замерла, впитывая в себя звуки бархатистого, с какими-то ностальгическими грустными нотками голоса руководителя нашего курса — Виталия Ивановича Шабалина.

— Я видел все премьеры Эфроса, — говорил он, откинув руку с неизменной сигаретой слегка в сторону, подняв голо-

ву вверх и глядя куда-то вдаль, мимо нас, мимо студийных стен. — Мне не надо было томиться в душном аэропорту, трястись в салоне самолёта до Москвы, доставать билеты на спектакли... (Тогда я и предположить не могла, что наш учитель — ученик Эфроса.)

Я вся обратилась в слух. Буквально каждое слово впитывала, словно губка.

Виталий Иванович в очередной раз затянулся сигаретой (он очень много курил) и, выпуская дым, казалось, устремился вслед за ним вверх, растворяясь в нём...

— Я просто перемещаюсь во времени и пространстве.

— ?!!

Наверное, эти знаки препинания написаны были на моём лице. Во всяком случае, они в точности отражали эмоции, которые я не могла контролировать. Удивление! И полный восторг!

Я не сразу заметила, что группа не разделяла моих чувств. В зале стоял приглушённый гул. Почти никто режиссёра не слушал. Одни обсуждали друг с другом какие-то более важные для них темы, другие сидели с отсутствующими лицами, третьи списывали конспекты.

— ...Я помню каждую мизансцену, каждый вздох... «Чайка»... постановка гениальная... Мы по духу близки с ним... и всё же... спектакли у нас разные...

Повисла пауза.

Вдруг он резко перевернул стол и выскочил в коридор, за

ним последовал помреж.

Это было так неожиданно. Я в очередной раз испытала потрясение. Зал никак не отреагировал. Однокурсники вели себя так, будто ничего не произошло.

— Как вы можете?! Он же душу перед нами обнажил!

— Не обращай внимания, — сказала Маша Иглова. — Не в первый раз уже. Не прокатывает! Ты просто редко бываешь в институте.

Верно. Я приходила только на репетиции и на специальные предметы: режиссура, сценическая речь. И то не всегда. На лекции вырывалась и того реже.

* * *

Вообще, чудом было то, что я, практически не посещая лекции, окончила институт. Помнится, перед Новым годом приехала сдавать зачёт по немецкому языку с Надюшей — ей было чуть более четырёх месяцев. Муж не подстраховал, как обещал. И мне пришлось закутывать дочку в одеяло и ловить такси.

«Немка» увидела меня в первый раз. И находилась в состоянии шока. На её практике такого ещё не было, чтобы студентка, которая ни разу не появилась на занятиях, имела наглость прийти на зачёт, да ещё с ребёнком. Хотя последнее было скорее аргументом в мою пользу: мне дали шанс. Меня спасла хорошая база. Я — с дочкой на руках — быст-

ро перевела заданные тексты и прочитала довольно сносно. И вопреки всяким правилам, заветный зачёт получила. А на выпуске — ещё и «отлично» автоматом.

В том, что я дошла до конца, не последнюю роль сыграл он, мой дорогой учитель, Виталий Иванович Шабалин! Он никогда не задавал лишних вопросов, не косился в мою сторону, относился ко мне тепло и спокойно, как и положено относиться сначала к женщине, носящей под сердцем ребёнка, потом к кормящей матери. Ничего на свете выше нет. Он понимал это лучше, чем я (вырастил старшую дочь, когда первая жена оставила его с малышкой на руках, а теперь занимался воспитанием двухлетней Сашеньки — кроха полностью была на нём во время поездок на сессии второй его жены). И не сломал мне судьбу, предоставив полное право идти своей дорогой. Дорогой, которую выбрала я. Он дал мне возможность закончить обучение и получить диплом о высшем образовании.

Моё сердце греют воспоминания о Виталии Ивановиче — удивительном человеке, близком мне по духу, о чём я догадывалась, кажется, с первых минут знакомства.

Боже мой, да я его просто не заметила на экзамене по специальности. Я даже не знала, кто набирает курс. Я читала стих, прозу, басню. И ни одного произведения мне не дали закончить, прерывали практически в самом начале. Потом задавали странные вопросы. Почему я решила поступать в институт, а не осталась работать в деревне?.. Я, глубоко по-

гружённая в себя, что-то отвечала, уже ни на что не надеясь, косым взглядом замечая «улыбку в тумане» одного из мужчин, который вроде бы и не смотрел на меня, а сидел, уткнувшись взглядом в бумаги. Много позже я поняла, что так Виталий Иванович прятал эмоции, фонтаном плескавшие в его глазах. Их можно было считать на раз.

Я обомлела, когда, открыв зачётку, увидела «отл.». И обрадовалась. Всё! Мне не надо было сдавать остальные экзамены, я автоматом была зачислена на курс, потому что училище окончила с красным дипломом.

В сентябре приехала учиться. Известие о назначении меня старостой группы повергло в лёгкую депрессию, несмотря на то что я всегда была общественницей — секретарём комсомольской организации школы, членом комитета комсомола в училище. Я просила Виталия Ивановича о переназначении, уверяла, что не справлюсь, но в нём таилась какая-то странная вера, и он старался вселить её в меня. Выбора, во всяком случае, у меня не было.

Мне нравились индивидуальные занятия с Виталием Ивановичем, на которых возникала доверительная атмосфера. Мы приходили к нему со своими идеями, и он направлял их в нужное русло, доводя замыслы до воплощения. Я приносила ему свои первые рассказы и слушала его рассуждения по этому поводу, и вырастали крылья и хотелось творить!

Я не сразу, а случайно и как-то вдруг, сопоставив разрозненные факты и склеив обрывки воспоминаний, словно

цветные стёклышки в узор, поняла, что Виталий Шабалин — тот самый режиссёр местного ТЮЗа, спектакль которого «Чайка» я видела несколько лет назад, будучи ещё совсем зелёной участницей самодеятельного театрального коллектива. После спектакля, на обсуждении, студенты вузов говорили потрясающие слова о режиссёре и его удивительных постановках, отмечая высокий художественный уровень, ничуть не уступающий столичным театрам. Его спектакли реально влияли на формирование социокультурной среды города...

* * *

Корреспондент «Алтайской правды» запаздывала. Мы ждали её больше часа. Всей группой. Парни, высоченные, как на подбор. И девочки, разные, от очень высоких красавиц до маленьких и хрупких. Большинство из них — сразу после школьной скамьи. Наивные, романтичные, мечтательные. Одни. Другие — те, кто постарше, — с определённым жизненным опытом, со своим, иногда циничным, взглядом на мир.

Практикантка хотела написать о курсе Шабалина. Пришла. И... попросила всех выйти, кроме старосты и двух-трёх активистов. Полный шок! Возмущения приняты не были, пришлось отступить. Остались те, кого назвали. Затаилась, не двигаясь с места, и девушка с трагическим рисунком пол-

ных губ и копной ярко-рыжих волос — Любаша Белова (вылитая булгаковская Маргарита). Ей обязательно надо было «попасть в газету», что выяснилось позже.

Мы отвечали на вопросы эмоционально (эмоций было бы больше, если бы в беседе участвовала все). А статья получилась сухая.

Любаша оказалась беременной, причём не «чуть-чуть», срок был большой, но об этом никто не догадывался, она ходила в просторном плаще под цвет голубых глаз. Родила зимой, где-то в начале декабря. И оставила дочку у своей мамы, в районном центре, до которого можно доехать на автобусе или электричке за полтора-два часа.

Учиться во что бы то ни стало — такую цель поставила перед собой Любаша, столкнувшись с предательством в любви. Узнав о беременности, возлюбленный отвернулся от неё. Мотивация самая банальная: ребёнка заводить рано, ей надо учиться и, наконец, он не готов стать отцом... Дочка — его копия, а он не признавал. Живя рядом, ни разу не навестил. А Люба, стиснув зубы, шагала по выбранной дороге. Чистая душой, влюблённая, с широко распахнутыми глазами цвета ясного неба и открытым сердцем, верила, что любимый вернётся к ней, когда она добьётся успеха.

Она тянулась ко мне, как и умненькая Наташа Прохорова — такая же наивная и ласковая, как котёнок, маленького роста, с длинным тяжёлым хвостом чёрных смоляных волос, со светящимися карими глазами. Мы вместе ходили в биб-

лиотеку, сидели на лекциях, брали друг друга в отрывки, которые ставили и сдавали по режиссуре.

Уже к Новому году, после периода узнавания, стало ясно, какие мы все разные. Непохожесть проявлялась в мелких стычках, в выражениях симпатий и антипатий. Курс, поделённый на две части, распался на лагеря: группки и «одиноких волков», вроде Олега Чумакина, в облике и поведении которого просматривалось нечто мефистофелевское.

— Ты книгу за день «берёшь»? — спросил он как-то меня, пробуравливая насквозь въедливым взглядом.

— Легко, — сказала я как можно убедительнее, понимая, что от ответа зависит степень выставленного Олегом мне «айкью» (IQ). В то время я и вправду за день вполне увесистый томик осиливала.

Педагогом по актёрскому мастерству первой подгруппы, куда странным образом попали парни и девушки с высокой самооценкой, была назначена ученица первого, только что выпущенного курса Шабалина, Марина Викторовна Чиркова, яркая, круглолицая, пышнотелая брюнетка с гривой тёмных волос, с хорошо поставленным низким голосом. Главная героиня дипломного спектакля, который нам, желторотым первокурсникам, показали мэтры. Она была чуть старше меня, а выглядела зрелой женщиной. Многие называли её по имени, что не мешало ей держать железную дисциплину на занятиях. Своих она гоняла по полной программе. Коленя-

ми и животами ребята истёрли сценические подмостки. Они влезали в шкуры животных, одушевляли предметы, орали, словно в джунглях, во все шестнадцать глоток... Всё, что получила на курсе сама, Чиркова с безграничным азартом самоотверженно вдалбливала в учеников, добываясь от них органики в искусстве перевоплощения.

Собирались они и вне институтских стен где-нибудь на нейтральной территории и спланивались в неформальной обстановке в дружный коллектив за чашечкой чая, а то и чего покрепче. Между ними возникали чувства, складывались пары. Происходили битвы за мальчиков. Отголоски всего, что там происходило, доходили и до нас. Так, мы были в курсе, как с одной из вечеринок Валера Копылов сбежал с Леной Караваевой. Дамы не отпускали его, спрятали ботинки, а он ушёл босиком в осеннюю ночь с Леной... С тех пор Лена и Валера всюду были вместе, как планета и спутник, на одной орбите. Крепкая, статная Ленка, совершенно не умеющая кокетничать, сплетничать и юлить, вызывала чувство надёжности, она легко ладила с людьми и была, что называется, «своим парнем» в любой, но особенно в мужской компании.

Марина Викторовна полюбила своего ученика — яркого брюнета, красавца на индийский манер Петю Донского. И её не смущала разница в возрасте — парень со школьной скамьи. Их роман развивался стремительно. Забегая вперёд, скажу: через год его забрали в армию. Попал он в Афгани-

стан, о чём тогда мы не смели говорить вслух, шептались по углам. Марина родила ему двоих сыновей-погодков, и он вернулся из горячей точки целым и невредимым на год раньше.

Куратор нашей подгруппы Алексей Ильич Волков признался как-то, что примчался в этот провинциальный городок сразу, как только узнал, что у Шабалина появилась вакансия, потому что в полном восторге от его творчества, за которым следит давно.

И вот случай подвернулся: союзник, единомышленник, фактически правая рука Шабалина — Геннадий Петрович Ветров (куратор и преподаватель актёрского мастерства первого выпуска) — был приглашён в качестве актёра в Иркутский театр. И уехал.

Поговаривали, Виталий Иванович расценил его поступок как предательство.

Волков — столичная штучка. Неизвестно, кем и где он служил, но к педагогической деятельности, похоже, отношения не имел. За три года своего кураторства он, как сказал в сердцах Виталий Иванович, развалил весь курс. Ничего не мог дать нам и в профессиональном плане. Занятия он строил больше на разговорах, чем на действии «в предлагаемых обстоятельствах».

Я, наверное, никогда не узнала бы, что такое система Станиславского, если бы не были заложены азы актёрского ма-

стерства в культпросветучилище. Моим юным товарищам многое пришлось постигать самим и на репетициях с Виталием Ивановичем. И мы, конечно, смертельно завидовали сокурсникам, которые примеряли разные образы на себя и всю раскрепощались на уроках актёрского мастерства.

Однажды две неразлучные подружки (из одного города) Саша Кучеренко и Вера Трифонова раздобыли где-то роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Мы с девчонками собрались у Маши Игловой, человек десять, с ночёвкой. И вслух по очереди всю ночь читали дефицитный роман. Правда, что было после того, как Аннушка разлила масло, мне не суждено было узнать в ту ночь. В силу усталости ли, молодости ли, я самым бесстыдным образом уснула. С этой удивительной историей я познакомилась намного позже (может, и к лучшему, с моей-то впечатлительностью).

В институте, как и в училище, практиковались дежурства студентов во время занятий в столовой, в коридорах, в раздевалке. К распределению дежурных я имела самое непосредственное отношение как староста, и, конечно же, в столовую, как наиболее ответственный и сложный объект, в числе первых я назначила дежурить себя. Мне казалось постыдным и унижительным убирать со столов за посетителями, в большинстве своём такими же студентами. И я старалась сделать это тихо и незаметно, опустив глаза долу.

Каково же было моё удивление, когда я увидела дежурство Веры Трифионовой и Саши Кучеренко. Обычное дежурство они превратили в настоящий спектакль! Раздобыли где-то полевых цветов и поставили на каждый столик в бутылки из-под кефира. То же самое они сделали и в преподавательском отсеке. И каждого человека встречали с улыбкой и приветствовали, словно дорогого гостя!

Вот это был мне урок! Я без ложной гордости переняла опыт подруг и применяла его в последующей своей жизни не раз. К любому делу — с любовью и полной самоотдачей, каждый вид деятельности превращать в праздник!

Эти постулаты, словно красный флаг, я пыталась пронести по своей судьбе. Получать удовольствие от всего, за что берёшься. Радоваться результатам. И не важно, чем ты занимаешься. Моешь полы, посмотри: как чисто! Готовишь обе-ды, ощути: как вкусно! Пишешь статьи, удивись: как талантливо и честно... Продолжать можно до бесконечности.

Настоящей отдушиной для меня, как всегда по жизни, был спорт, ибо там воплощались в реальность мои полёты наяву. На первом же занятии по физкультуре тренер по волейболу поймал меня за руку и, отведя в сторону, пригласил на волейбольную секцию. Что может быть прекраснее прыжка вверх! Удар по мячу — и... словно летишь вслед за ним! Не говоря уже о лыжах! Полёты с гор или над равниной!.. Пускай на миг, но удаётся быть вне времени и пространства.

На «лыжи» я пришла сама, вместе с подружкой Людой Саллий, с которой в одно и то же время учились в училище, только она на хоровом отделении. Лыжные тренировки — отдушина, куда без возврата уносится весь сгоревший негатив. Откуда возвращаешься с обновлённой душой, открытой для радостного восприятия жизни.

На первенстве института по лыжным гонкам я стала победительницей. Мне было нелегко, но на лыжне я выложила все, до капельки, силы. Если бы пришла второй, было бы не стыдно, потому что я сделала всё, что могла.

Моя соперница Лариса, любимица тренера, чуть-чуть уступила мне. А силы-то у нас, пожалуй, равные.

Тренер огорчился.

Во время празднования Нового года всё равно именно Ларисе за второе место достался чайный сервиз, а я довольствовалась уродливой глиняной маской.

Я с упоением отплясывала под ритмичные звуки и почти ни одного не пропустила танго, но... веселья особого не испытывала. Уже чувствовалась некоторая разобщённость в группе.

Женской стайкой, не сговариваясь и не делясь на «своих» и «чужих», мы поднялись на второй этаж в кабинет актёрского мастерства. Девчонки пили шампанское, а я, великая трезвенница, с любопытством исследователя наблюдала, как им сносило башню. Градус раскрепощённости девчат накалился до предела, да так, что я впервые испытала чувство

стыда за слишком отвязное их поведение. Есть вещи, которые я не сделаю никогда, ни при каких обстоятельствах — воспитание не позволит. А она сделала, и некоторые за ней последовали. Психологически я и тогда могла это объяснить, но не оправдать.

Какие они разные и какие красивые, наши девушки. Оксана... Высокая (выше всех, под метр восемьдесят), хорошо сложена, правильные черты лица, аккуратный прямой носик. Внешне она очень похожа на Ольгу Остроумову в её звёздной роли — Женьки Комельковой («А зори здесь тихие...»). Оксана поступила в институт культуры вовсе не из любви к культпросветработе и не из желания стать режиссёром самодеятельного театра. Её, как и большинство из нас, привлекла сюда мечта стать актрисой. Оксана, лидер по натуре, чувствовала себя глубоко уязвлённой, оказавшись на вторых ролях. Разочаровавшись в выбранном пути профессионального образования, она отчаянно вымещала свой промах на чём придётся. Во втором полугодии редко посещала лекции, дни напролёт лежала с книгой в руках на квартире, которую для неё снимала мать — известный адвокат в большом сибирском городе. Оксана забрала документы задолго до летней сессии, в этот же год она поступила в университет на юридический факультет.

Сразу после Нового года я переселилась к Наде Кутеповой, которая жила на съёмной квартире прямо возле инсти-

тута с девочками из библиотечного отделения, очень дисциплинированными, в отличие от меня.

Мы вставали рано и садились за билеты, слегка перекусив. До самого обеда читали лекции, разбирали, повторяли. После обеда — до ужина, после ужина — до сна. И так все дни, отведённые на подготовку к экзаменам. И потому, наверное, зимнюю сессию я сдала без всякого напряжения на отлично и снова получала повышенную стипендию в 50 р. И жила безбедно. Денег хватало и на питание, и на мелкие расходы.

Мама купила мне искусственную коричневую шубу, что было круто по тем временам, и белую песцовую шапку, так что в зимней одежде я не нуждалась. К тому времени я квартировала у родственников. Мама разыскала их и уговорила взять меня. Семья Кротовых жила в трёхкомнатной квартире на седьмом этаже с двумя маленькими дочками. Степень родства я узнала позже. Хозяйка дома Людмила — дочь сестры маминого отца, которого она никогда не видела. Его посадили ещё до войны за украденное зерно, но в семью он так и не вернулся, остался там, куда увезли. Мама разыскала сестру отца, когда уже была взрослой. Та приняла её и всегда привечала, добрая душа.

Пришла мама и в институт, она стала просить Виталия Ивановича, чтобы мне дали общежитие, но место в общежитии студентам полагалось лишь на 4-м курсе, таков был закон, и я прекрасно понимала, что нарушить его не во власти нашего руководителя, и мамина просьба казалась унижительной.

Мне было страшно неловко, я обняла маму за плечи и увела из кабинета.

— Мам, не надо. Я сама разберусь.

Вообще было странно уже то, что мама искала для меня жильё, обычно все вопросы я решала самостоятельно. У меня даже мысли не возникало, что кто-то может сделать что-то вместо меня. Сразу как уехала из дома, я отвечала за себя сама.

Звенел капелью апрель. Солнце ликовало, снега плавись от нежности в берёзовой рощице за институтским забором. Серый асфальт плескался лужами. В один из таких ласковых дней у Любы Беловой случился день рождения. Я, как староста, должна была это предвидеть. После лекции по истории искусства я побежала за цветами, купила огромный букет. И опоздала на режиссуру. Свою неловкость перед Виталием Ивановичем я скрыла за самой лучезарной из своих улыбок. Извинилась. И поздравила Любу от имени группы и от себя лично с праздником. В её глазах стояли слёзы. Виталий Иванович улыбался. Напряжённые вначале лица ребят посветлели.

Виталий Иванович вернулся к прерванному уроку.

— Ты спасла нас, — сказала Любаша после занятий, поблагодарив меня за подарок. — Он так ругался перед твоим приходом, разносил всех в пух и прах! И что ты с ним сделала?! Как тебе вообще это удаётся?

Я спрятала собственное смущение за улыбкой.
— Не знаю.

* * *

— Галка, тебя декан просил зайти, — сказала мне Иглова. Пришлось пожертвовать обедом.

— Проходи, присаживайся, — пригласил декан. — Как учёба, как в группе дела? — начал он издалека.

— Спасибо, всё нормально.

Декан посмотрел на меня тяжёлым взглядом тёмных мутных глаз.

— А что там у вас случилось вчера?.. Кто подрался? Из-за чего?

Ах, вот в чём дело. Доложили уже. Перед лекцией сцепились мальчишки из параллельных подгрупп, повод вроде пустячный: не поделили место. Но между ними давно уже какая-то кошка пробежала, не то из-за роли, не то из-за девочки. Я и сама толком не поняла.

— Простите, Яков Абрамович, но мы сами разберёмся.

— Да? — спросил ехидно и добавил: — Ну-ну...

После этого случая он демонстрировал мне своё лёгкое презрение.

— Ты, что ли, не знаешь, — сказала Иглова, — к нему ходит... — тут она назвала имя девушки, к которой я всегда относилась хорошо, — и наушничает.

— Не может быть.

— Ты с луны свалилась, что ли?! Ты в каком мире вообще живёшь?..

* * *

Избушка, затерянная в снегах. Двое в декабре после лыжной прогулки, в тёплых свитерах, слегка озябшие... Как играть любовь?! Мы пробуем своими словами, но близко к тексту. Я стараюсь быть естественной и правдивой. Во все глаза смотрю на партнёра. Вижу и слышу его. Не изображаю, а стараюсь быть. Я — в предлагаемых обстоятельствах.

С Валерой Копыловым играть приятно. Он добрый. Я вижу доброту сквозь толщу наносной бравады и желания казаться крутым «мачо». Любимец девушек. Высокий, пропорционально сложенный. Я смотрю в его карие с лёгкой зеленью глаза и вижу ответный огонь. В его полных губах теряются звуки, и речь не слишком чёткая, но сколько обаяния!

Виталий Иванович нащупывает выразительные мизансцены. В порыве чувств он заскакивает на сцену и показывает, как надо. Подхватывает меня на руки и кружит. Потом передаёт Валере. Тот повторяет. Режиссёр уточняет детали. Начинает рассуждать о жизни человеческого духа...

— Поставь ты её уже на место, — предлагает он Валере.

— Ничего, мне не тяжело, — парирует Валера, продолжая держать меня на руках всё время, пока Шабалин объясняет

нам суть вещей, пытаюсь добиться от нас правдивости проживания отрезка жизни наших героев. От неловкости я пытаюсь высвободиться из цепких лап Валеры, но он держит меня, словно снежный человек свою маленькую добычу.

Мы проходим отрывок от начала до конца, забывая о времени и теряя чувство реальности. Репетиции с Виталием Ивановичем — невесомость, расщепление на атомы, полёты наяву!

Следующий отрывок — мой!

Когда прочитала повесть Фёдора Абрамова «Пелагея», у меня сложился образ спектакля: телега. Телега, в которую впрягается по ходу действия главная героиня. Телега, как тот изнуряющий, тяжкий деревенский труд в послевоенные годы. Пелагея часть своей жизни голодала, у неё «померли отец и брат с голодухи». В войну тоже было не лучше. А после войны на её глазах зачах её сын, первенец, потому что у неё не было молока. Долгое время Пелагея работала на скотном дворе. «Руки выворачивали на этой дойке. А холод-то? А дождь? А каково это каждый день два раза мерить дорогу — от деревни до Сурги и от Сурги до деревни? Грязь страшная, до колена, и где уж тут присесть на телегу? Хоть бы бидоны-то с молоком лошадь вытащила».

Труд как непосильная ноша, как тяжёлое бремя... так виделось мне.

Виталий Иванович обращал моё внимание на другой, более продолжительный отрезок жизни Пелагеи: когда она хле-

бушек выпекала в пекарне. А хлеб — основа основ, дающая жизнь... Он рассуждал о том, что изначально эта умная, хотя и властная, но душевно добрая женщина несла людям свет. И труд для неё — в радость. И постепенно, где-то на подсознательном уровне зарождался иной художественный образ: окно с узорными ставнями, со старинными выбитыми занавесками. И она, Пелагея, из окна — улыбающаяся, светлая. Марина Шаталова — крупная, мягкая, с глазками-васильками и ямочками на щеках — играла убедительно.

В день сдачи наших режиссёрских работ за первый курс парни в соседнем кабинете едва успели сколотить к моему отрывку оконную раму, для которой я выпросила у родственников выбитые занавески. На экзаменационный просмотр Виталий Иванович никого не пустил. Не знаю почему. Он не был доволен тем, что мы показали на прогоне. Видимо, сыровато и шедевров не наблюдалось. И всё же две студентки со второго курса, боготворившие нашего руководителя, прокрались в зрительный зал самым бесстыдным образом, прикрылись какими-то тряпками, а когда началось, выползли оттуда, словно партизаны. На них никто уже не обращал внимания, на то и расчёт делан. И Шабалин, и члены комиссии были заняты тем, что происходило на сцене. Так что лазутчицы беспрепятственно посмотрели всё — от начала до конца.

После сдачи — немилосердный разбор полётов. Что не получилось и почему. Замечаний много, хотя была и похва-

ла. Мой отрывок, несущий свет, вызвал много положительных эмоций и благоприятный отзыв Виталия Ивановича. А вот актёрская игра...

Я и сама не могла понять, что со мной происходит. Я вдруг совершенно выпала из образа, отвлекалась на зал и действовала схематично, не видя и не чувствуя партнёра. Дикость какая-то. Раньше такого не случалось. Сколько ролей сыграно в училище?! Звезда, блин, без которой ни один отрывок не обходился. Все роли от мальчиков до старушек я играла с убедительной достоверностью. Особенно вжилась в образ молодой женщины, отдавшей свою красоту ради спасения сестры. Я впервые тогда почувствовала полное слияние с героиней — Мехменэ Бану. По этой роли, как мне рассказывали, педагоги преподавали актёрское мастерство ещё долго после того, как я вышла из стен куल्या. А тут...

Сдача экзамена по сценической речи пришлась на середину мая. Я готовила отрывок из повести Сергея Залыгина, где он с тонкой иронией и юмором рассказывал о солдатики, который браво шёл по улице в гимнастёрке и кирзовых сапогах... Ради этого события я надела длинное приталенное ситцевое платье, которое сшила собственными руками, будучи ещё студенткой куल्या. На плечи накинула чёрную цветастую мамину шаль (её я, кстати, носила осенью и весной, по-деревенски обмотав вокруг шеи и приткнув под подбородком один конец шали), подчеркнув тем самым деревен-

скую тематику представляемого мною отрывка.

Аудитория битком набита! Когда объявили меня, сердце, вырываясь из груди, застучало так громко, что казалось, это слышали все. От волнения дух перехватило. Я вышла на середину комнаты и долго стояла молча, собираясь с духом. Настрой на нужную волну затянулся, пауза нешуточная висела в тишине. Я, то улыбаясь застенчиво, то становясь серьёзной, обвела взглядом зал. Все напряжённо смотрели на меня. Мне необходимо было найти того единственного человека, кому я могла бы рассказать весёлую историю про бравого солдатика. Мне нужны были глаза, полные сочувствия и понимания. Глаза, в которых отразились бы эмоции, передаваемые мной.

И тут я увидела Виталия Ивановича. Он откровенно любовался мною! Это заметил бы даже слепой... Я, конечно же, мгновенно настроилась рассказывать историю ему. Но он сразу опустил голову и стал смотреть вниз, спрятав свои эмоции за затухающей улыбкой. Оставшись без поддержки, я снова метнула взгляд в зрителей. Моё внимание привлёк свет, струящийся, подобно солнечным лучам, из голубых глаз нашего педагога по сценической речи Аллы Ефимовны Гончаровой. И я начала, постепенно вливаясь в поток текста, и, захваченная им, понеслась вдаль, эмоционально проживая яркий отрывок прозы.

Всё прошло без сучка и задоринки.

— Мы на кафедре обсуждали — не сдачу, нет, — а то,

какая красивая была сегодня Галя Стародубова!.. А паузу-то как держала! — воскликнула Алла Ефимовна перед объявлением итогов.

— Она у нас всегда красивая, — вставил своё скромное слово Валера Копылов.

Я сидела пунцовая, опустив глаза. Мне, конечно, было приятно. И отчего-то немножко неловко.

* * *

Как удивительно цвела сирень!..

В конце мая пришёл из армии Миша. С поезда — сразу ко мне. Мы не спали всю ночь.

Ураган нерастраченной грубой нежности привёл меня в смятение. Я плакала. А он не мог понять, что со мной происходит. Толстокожий, думала я. Утром он проводил меня до института. Мы стояли в берёзовой роще. И вдруг я впервые увидела, какой он красивый! Стройный мальчик в синей лётной форме (он служил в Подмосковье в лётных войсках), перетянутой широким ремнём, на фоне хрупкой белизны! Он смотрел на меня растерянно и влюблённо.

— Приезжай, — попросил, заливаясь краской от волнения. — Я буду ждать.

— Выходи за него, — сказал смуглый худенький Юрка Мальков, когда я зашла в кабинет режиссуры, оказывается, он видел нас в берёзовой роще вдвоём. — Он красавчик!

Глава 3. Любовь

С Мишей мы познакомились в поезде.

В меня влюблялись одноклассники, мне предлагали дружить мальчики из нашего училища, но я держала всех на расстоянии. Девочка, начитавшаяся Паустовского и Грина, я долго ждала своего принца с алыми парусами, стараясь не приближать к себе никого, ведь «мы в ответе за тех, кого приручили», и так устала от ожидания, что просто с ума сходила оттого, что принц не появлялся на моём горизонте. Я пристально вглядывалась в лица встречных парней и думала: где же он?! Этот, а может, тот? Но ни один из них не задевал моего сердца, да и они проходили, едва успев бросить на меня любопытный взгляд. Мимо, всё мимо. Господи, взмолилась я, ну где же он, единственный, неповторимый, предназначенный мне судьбой?!

На ноябрьские праздники я не поехала домой, в деревню, как делала в прежние годы, — сбегала с демонстрации: доходила с колонной до Октябрьской площади — и на вокзал, а наше училище шествовало до площади Советов уже без меня.

Выходные ещё не кончились, а я сходила с ума. Душа томилась в предчувствии. И тут будто какая-то таинственная сила подхватила меня и понесла на вокзал. Домой! И сердце слегка притихло, перестало щемить и тосковать. Я спешила.

Мимо касс — не опоздать бы на поезд. Я едва успела подбежать к ближайшему вагону, когда объявили отправление. Лохматый парень, его я толком не разглядела, курил рядом с проводницей, которая, вняв моим мольбам и обещаниям купить билет на ближайшей станции, впустила меня внутрь.

Через полчаса поезд прибыл на первую станцию, и я побежала на вокзал. Очередь медленно двигалась к кассе, я боялась опоздать. И тут ко мне подошёл он. Тот, кто стоял у вагона. Тёмные, выющиеся до плеч волосы, очки на прямом, слегка вздёрнутом носу. Он стал сбивчиво объяснять, что едет к другу, что у него лишний билет, потому что ещё один друг, с которым собирались навестить другого друга, на поезд опоздал. И не куплю ли я у него этот билет.

Но, во-первых, я ехала не до конечной станции, а выходила примерно посередине следования состава, а во-вторых, брала билет по студенческому, то есть со скидкой.

— Возьмите за ту цену, за какую собираетесь покупать в кассе...

Он смотрел на меня глазами кота из сегодняшнего мультфильма про Фиону и Шрека.

Я согласилась, хотя и чувствовала при этом неловкость, но его неловкость в данной ситуации я тоже ощущала как свою.

Он представился: Михаил.

Мы сели рядом — на свои места. Напротив нас расположились студент политеха и студентка библиотечного отделения института культуры. Они выходили на конечной стан-

ции. Я увлеклась разговором с молодым человеком о смысле жизни, Михаил пытался отвлечь наше внимание анекдотами, кои сыпались из него, словно из рога изобилия. Будущий библиотечный работник оставалась безучастной ко всему, что происходило.

Мимо нас к выходу пробиралась шумная компания, в её составе — полная женщина с тугим узлом тёмных волос, в расстёгнутой фуфайке. С удивлённым возгласом она притормозила возле нас. Оказалось — Мишина мать.

Она и слышать не захотела ни про какого друга. Миша безропотно последовал за ней.

Я сошла через две остановки. И думать про него забыла.

А через два дня мы снова встретились. На вокзале. Он приехал к поезду на автобусе из своей деревни. Я добиралась сюда таким же транспортом из посёлка.

Он сел рядом и обнял меня за талию. Неслыханная наглость. Убрать чужую руку было выше моего достоинства. Я думала лишь об одном: приедем в город, разбежимся по разным сторонам, и я забуду, как его зовут. Но почему-то дала свой адрес. И весь следующий вечер сходила с ума от ожидания. Волновалась.

Это было первое свидание, на которое я согласилась. Он не пришёл. Разочарование, боль уязвлённого самолюбия. И решение навсегда вычеркнуть его из памяти.

Он явился на следующий вечер, когда его уже никто не ждал.

Не прогнала. Вновь подкупил этот беспомощный умоляющий взгляд. И терпение.

Страдания предыдущего вечера окупились с лихвой, помимо моей воли. Он часами дожидался меня на вахте общежития, прислонившись к подоконнику. Я возвращалась, как правило, позднее обещанного, так получалось. То репетиции, то ещё что-нибудь. А его и не просили ждать.

Миша работал на шинном заводе после окончания ПТУ. Он часто водил меня в кино, на выставки, выходные просиживал со мной в библиотеке, пару раз я брала его на симфонический концерт, где он умудрялся выспаться. Мы целовались. Мне нравилось тонуть в его объятиях. Его ласки не отталкивали меня. Единственное, иногда раздражала излишняя болтливость и настойчивое возвращение к прерванному разговору именно в том самом месте, на котором остановились, и все мои попытки переменить тему оборачивались неудачей.

Однажды я возвращалась в общежитие белым днём и на полпути от конечной остановки троллейбуса лицом к лицу столкнулась с группой развязных парней, пытавшихся преградить мне дорогу. Вдруг я уткнулась взглядом в... Мишу. И глазам своим не поверила: рубаша, завязанная узлом, открывала довольно упитанный голый живот. Странная улыбка блуждала по его лицу, а когда он открыл рот, я поняла,

что Миша сильно пьян. За время, что мы встречались, чуть меньше года, он ни разу не показывался мне в таком виде.

Я остолбенела.

Друзья, оценив ситуацию, благоразумно покинули место действия.

Он стоял передо мной и глупо улыбался.

— Привет, — тихо сказал он.

— Пока.

Я двинулась к общежитию, он последовал за мной. Я прибавила шаг, он не отставал.

Так мы, не сказав друг другу ни слова, добежали до общежития, не замечая вахтёршу, поднялись на четвёртый этаж в мою комнату. Я стояла у окна с каменным строгим лицом. Он хотел обнять, я отстранилась. Он прилёг на мою кровать. И уснул! Я сидела на подоконнике с книжкой. Злость прошла, ситуация казалась мне забавной. Он проснулся вечером. Посвежевший и протрезвевший.

— Галка, прости, — сказал виновато и снова предпринял несмелую попытку обнять меня.

— Уходи, — приказала я строго. — Совсем.

— Совсем-совсем? — попытался улыбнуться, но, словно споткнувшись о мой взгляд, согласился:

— Ладно.

И вышел. Из моей жизни. Навсегда.

Так думала я.

Я не видела его больше месяца. Уже июль катился к своей середине. На летние каникулы домой я ездила несколько раз в выходные дни. Всё остальное время оставалась в городе, потому что у меня была работа: две ночи в неделю я сторожила детский сад, в котором до поступления в училище около года служила няней. И тёплые летние денёчки были в полном моём распоряжении.

С утра до самого вечера я сидела в центральной библиотеке на площади Советов, потом шла в драмтеатр. В то чудное лето на гастроли в наш городок приезжали лучшие театры из Москвы, Ленинграда, — со всех уголков России.

Вот и на этот раз, начитавшись за целый день до одури художественной литературы, я выпорхнула из прохладных глубин библиотеки в тёплый летний вечер, ласкающийся лёгким ветерком, под дуновением которого слегка колыхалось моё шёлковое нежное платье выше колен и шелестели завитками короткие русые волосы. Беспечной лёгкой походкой, в радостном предчувствии встречи с прекрасным летела я мимо усыпанных отдыхающими скамеек, обступающих с двух сторон чудесный фонтан, вспыхивающий разноцветьем.

Моего лица и тела уже касались крохотные россыпи брызг, когда неожиданно я увидела слишком знакомую фигуру в красной олимпийке буквально в двух метрах от себя. Он сидел на ободке фонтана спиной ко мне, покачивая одной ногой, казалось, в такт звукам падающей воды.

Я в растерянности замерла. И ничего не успела придумать

лучше, как продолжать идти вперёд, но только очень медленно, буквально втянув голову в плечи, как на замедленной киноплёнке, в надежде, что он не заметит. Хотела тихо и бесшумно проскочить, как мышь. А ведь могла бы просто развернуться и обойти окольными путями.

— Привет! — он, конечно же, догнал меня и, осторожно взяв за плечи, повернул к себе.

Моё сердце замерло и ухнуло вниз, кажется, в самые пятки.

— Ты! Как? Здесь?! — пролепетала я в ужасе.

— Я же объяснил тебе всё... в письме.

— В каком письме? — не поняла я.

— Ну в том, которое оставил у тебя в ячейке, в общежитии...

— Я не получала никакого письма...

— Тогда почему ты здесь?! Ведь я назначил тебе встречу сегодня в семь часов вечера на этом самом месте, у фонтана.

— Я ничего не знала... Я не видела никакого письма...

Он смотрел тем самым взглядом того самого шрековского кота и был трогателен в своём трепетном волнении и растерянности.

— Не может быть! Нет, правда?!

— Ты думаешь, я сочиняю?! Зачем это мне?

— Но ты же пришла!

— Чистая случайность.

— Не может быть!

Он не поверил. И до сих пор отказывается в это верить. Говорит, я всё придумала.

— Что было в том письме?

— Ты меня разыгрываешь, да?

— Была охота.

— Я хотел забыть тебя, уехал в деревню на сенокос с другом. Потом стало невозможно. Я плыл к тебе по Оби на лодке с пьяным мужиком... мы перевернулись... я чуть не утонул...

Сбивчивое объяснение вызвало во мне чувство сострадания. Она его за муки полюбила, он — из сострадания к ним...

— У меня театр в 19:00.

— А можно с тобой?..

— Попробуй, — сказала я, окинув беглым взглядом его далеко не театральный вид.

В кассе мы купили билет за 1 рубль 50 копеек, аншлага на этот раз не было. Давали «Жизель» Пермского театра оперы и балета. К моему удивлению, балет Мише понравился.

Миша, как и прежде, провожал меня. Пока ехали на троллейбусе, он держал меня за руку и нерешительно вздыхал. Мы долго стояли возле общежития, он не отпускал меня.

— Я люблю тебя, — сказал он тихо, теребя мою руку и боясь посмотреть мне в глаза. Сказал, будто прыгнул с обрыва.

И отчего это у влюблённых такие глупые лица? Нет, не глупые, а растерянные и беззащитные.

Так наша история продолжилась. Мы снова стали встречаться. Миша посмотрел со мной многие спектакли и даже оперу. Иногда, правда, он, видимо пресыщенный культурной программой, встречал меня у театра после спектакля и провожал до моей общаги на краю города и последним троллейбусом возвращался к себе «на гору», на другую городскую окраину.

Миша работал на заводе по суткам. И когда у него выпадали выходные, мы гуляли по городу. Однажды он повёл меня на ВДНХ, там я ни разу не была.

Троллейбус по улице Ленина довёз нас до конечной остановки «Старый базар», оттуда мы добрались к подножию высоко и круто взмывавшей вверх широкой извилистой лестницы с площадками, наподобие тех, что в многоэтажных домах. Почти на каждой площадке мы останавливались, смотрели на распластавшийся внизу город, вернее небольшую его часть, смеялись без видимой причины, целовались. И двигались дальше.

ВДНХ (выставка достижений народного хозяйства) сразила меня своей сказочностью. Среди буйно растущего великолепия хвойных и лиственных деревьев, кустарников и цветов раскинулись многочисленные павильоны. За стеклянными стенами одного из них мы долго высматривали спальные и кухонные гарнитуры, примеряя на себя семейную жизнь, играя в неё. Мы ели сосиски прямо на свежем воздухе, запивая их чаем по две копейки, катались на лодке по озеру.

Это был день, напоённый радостью, восторгом, усталостью. Счастьем.

В конце лета в парке «Юбилейный» — огромном лесном массиве на склоне горы — развернулись чешские аттракционы. Чехи приезжали сюда не первое лето, а вот я прежде здесь не бывала. Мы смеялись в комнате смеха от искажённых зеркалами собственных изображений. И дрожали перед входом в аттракцион страха, боясь неизвестности. Но именно ожидание и оказалось самым страшным. После того как мы вернулись из пещеры, нам снова было смешно.

Миша купил мне вкусный розовый зефир, таявший во рту. Мы бродили среди огромных деревьев, отдыхали на лавочке, качались на огромных качелях...

Таким было лето. Наши тела влекло друг к другу. Но на его мольбы и уговоры я категорически сказала:

— Только после свадьбы.

Пришла осень, наступила зима. Миша по-прежнему приходил ко мне вечерами, часто водил меня в разные кинотеатры. Он держал мою руку в своей, и я, словно снегурка, таяла от нежности в сумерках зрительного зала, не понимая, что происходит на большом экране.

В январе я получила красный диплом об окончании культпросветучилища и после небольших каникул, которые про-

вела на лыжной базе с командой спортсменов, уехала в дальнюю деревню дальнего района. Весной Мишу забрали в армию.

Через полтора года я поступила в институт культуры. Через год пришёл из армии Миша.

* * *

Последний экзамен летней сессии остался позади. Ура! Лёгкая передышка, потом практика в студенческом стройотряде.

Я не пошла в проводницы, как подруга Салийка, и не полезла в горы, как Наташка Прохорова, а почему-то записалась в многочисленный отряд строителей, плохо представляя себе, чем буду заниматься на самом деле. А перед тем как отправиться к месту назначения, поехала домой.

Странное дело, когда и откуда бы я ни возвращалась в свой посёлок, в отчий дом, всегда тепло на душе, всё здесь оставалось до боли родным. И знакомым. Вдоль и поперёк исхожено, изучено пространство, и, кажется, сама природа — низины и пригорки, покрытые растительностью и деревьями, с которыми ещё недавно велись душевные разговоры, и озёра, и даже река в отдалении, — помнит, как ступала тут твоя нога. И встречает радостно. И дом распахивает ласковые, как руки матери, объятия. Отчий дом — самое прекрасное место на планете, куда и сегодня хочется вернуться,

но только не в теперешнюю свою жизнь, а в прошлую. В детство. Ах, если бы было возможно путешествие во времени!

Миша прибыл следом. И подарил мне волшебные две недели. Это было безумие сорвавшихся с цепи молодых тел. Наконец-то они ликовали! Ибо находились в гармонии с душой. Теперь я была уверена, что Миша — моя судьба, что он и есть тот самый принц, которого я не сразу узнала.

Хотя нет, ни о каком принце я тогда не думала, да и думать не могла, не до того было! Я просто знала, что мы будем мужем и женой. Я поверила, я доверилась ему. И то, что раньше казалось стыдным, стало простым и естественным. Его тело я ощущала как своё.

Ласковое лето дышало теплом. Как жаль, что все озёра и в посёлке, и вокруг него, даже Осокино, что за три километра отсюда, высохли. В такую жару хотелось в воду.

— Так есть же Сычово, ты разве не знаешь?! — удивился мой младший брат Лёша, двенадцати лет от роду. — Недалеко, сразу за могилками. Там можно купаться. Мы туда с пацанами бегаем.

Мы ухватились за эту возможность и, ведомые любимым братиком, побрели босиком, утопая в горячем песке почти по щиколотку, на другой конец деревни. В обнимку. Минуя центр с его заросшей пустынной площадью, парой магазинов, конторой, клубом и столовой. Мимо могилки, которые в

другое время вызывали у меня чувство страха, боли и ненадёжности вселенной под именем «я», а сейчас скользящие мимо в своей естественной красоте, как часть не того, а этого мира. Под горку, потом прямо — по узкой лесной незаезженной дороге, в кругу зелёных подружек, приветливо раскинувших лохматые игольчатые лапы или трепещущие в мареве жары листья.

И вправду Сычово оказалось рядом. Сквозь деревья оно переливалось серебристыми чешуйками.

С краю дно песчаное — купальщики вытоптали, — а в основном поросшее травой. Но если плыть аккуратно, можно не задевать её ногами.

Брату я запретила заплывать далеко, он барахтался возле берега, а мы добрались до кувшинок и лилий, рвали их, ныряли, касались друг друга, обжигаясь. Вода — моя стихия (может, в прошлой жизни я была рыбой? или русалкой?!).

Миша тоже хорошо плавал, что меня не удивило, я приняла это как данность.

— Русалка! — сказал Миша, когда я вышла из воды с венком из лилий на голове. С мокрых волос стекала вода.

Мама лежала в больнице. Мы навещали её. И папа, и бабушка приняли появление у нас Миши спокойно. Никаких лишних вопросов и разговоров по душам.

Пришло время расставаться. Я поехала ночным поездом в районный центр, куда-то на запад от столицы Алтайского

края. Миша — к себе домой.

* * *

— Что ж ты такая худенькая? — встретил меня начальник стройки. — Мамка, что ли, не кормит?.. Ну ладно, мы тебя в столовку определим.

— Не надо меня в столовую, — не согласилась. — Я справлюсь.

В посёлок, где квартировал наш многочисленный стройотряд, подбросила попутка. Комендант общежития определил меня на свободную койку к однокорпусникам: Вере Трифоновой, Саше Кучеренко и Маше Игловой. Пока они отсутствовали, я сама себя назначила дежурной, взяла тряпку, ведро, налила воду и с энтузиазмом принялась за дело: вымыла до блеска полы не только в комнате, но и в длинном коридоре, прихватив крылечко.

Уставшие от работы девчонки встретили меня буднично, бурных объятий и прыжков до потолка не последовало, да и расспросов тоже. Они уже три дня как «вкалывали», по их выражению, на стройке.

После ужина в столовке напротив общежития почитали, поболтали, уснули раньше, чем ожидалось.

Я спала как убитая. И всё равно ранним утром едва продрала глаза.

Столовая. Вермишель с котлетой, жиденький чай с саха-

ром, хлебушек. И — в автобус. Минут сорок тряской езды по ухабистой дороге. Стройка. Отделочные работы в четырёхэтажном многоквартирном доме.

Впервые взяв в руки мастерок, я смотрела, как ловко, словно заправские строители, действовали девчата, и мрачно думала о том, что мне это дело освоить не под силу. Агрессивно-серого цвета масса, называемая шпаклёвкой, которую я подхватывала мастерком, почему-то норовила обляпать меня, а не стену.

Мало-помалу, однако, приноровилась, работа пошла, но очень медленно. К обеду ломило спину и шею, руки и ноги ныли от напряжения. К вечеру я их не чувствовала вообще. После ужина свалилась сразу в постель и не слышала даже, когда и как ко сну отходили подружки.

Наутро чувствовала себя промокшим от дождя железным дровосеком из сказки, которого забыли смазать. Всё скрипело и не желало сгибаться и двигаться.

На стройку не завезли цемент. Вынужденный простой огорчил коммунистически настроенных девчат, но не настолько, чтобы отказать себе в отдыхе. Высказав претензии прорабу, помахав перед ним руками, наши комсомольские вожакИ присоединились к нам — на дощатый пол.

Серый душный день, обещавший дождичек с утра, нагонял истому на уставшие тела. Разомлевшие от безделья, мы сладко спали, штабелями раскинувшись по полу. Непонят-

ные всполохи, как оказалось, от фотовспышки, и характерное для фотоаппарата клацанье постепенно вытягивало нас из сна.

Одни продолжали лежать без движения, будто сражённые вражеской пулей, другие, словно сомнамбулы, медленно принимали сидячее положение, недоумённо взирая на худого, длинного, как лыжа, паренька, который быстро и воровато щёлкал нас на крутой фотоаппарат.

Пришедшие в себя девчонки стали возмущаться и объяснять репортёру местной газетёнки (как выяснилось позже) ситуацию. Мол, не по нашей вине простой, цемент не завезли... Но как мог он отказаться от такого кадра?! (Это я позже поняла.) Уже на следующий день на первой странице районной газеты красовался огромный снимок, на котором были запечатлены вповалку лежащие девушки в спецовках. И надпись: «Студенческий стройотряд из института культуры на стройке».

Когда случились выходные, я обалдела от красоты местности, так похожей на ту, где родилась и выросла я. Неподалёку, в лесном массиве возле здания лесничества, было полно земляники! Любимой моей ягоды! Я закидывала её в себя пригоршнями.

Мы с подругами бродили по лесу недолго. Вскоре вышли к озеру, про которое рассказывали местные жители. Оно было довольно широкое и продолговатое, как рукав, окаймлён-

ное зелёной высокой травой и склоняющимися над прозрачной водой берёзками. Что-то в виде пляжа, тоже покрытого травой, с небольшой песчаной лысиной пригорка, было с противоположного от посёлка округлого озёрного края.

Я долго плескалась в воде — заплывала на середину, применяя разные стили. И то ускорялась, проверяя свои возможности, то переходила на замедленный темп, выныривая ладонями уточкой перед собой из прозрачной нежности воды и вновь погружаясь в её глубины, и, раздвигая руками мягкую жидкость, плавно продвигалась вперёд. А то и вовсе ложилась на спину, раскинув руки в стороны, и зачарованно смотрела на лёгкие паутинки редких изящных облаков в бездонной голубизне высокого неба.

Я не умела нырять, вода выталкивала меня на поверхность, словно пробку, и держала, и баюкала на волнах, будто мать своего ребёнка. Вопреки законам физики. Я ведь не была совсем пушинкой, килограммов пятьдесят-то точно весила...

Иногда я плыла на спине, держа перед собой ладони, будто раскрытую книжку.

Я не красовалась ни перед кем и не пыталась произвести впечатление, я просто дорвалась до своей стихии — обычное для меня поведение в любом водоёме.

Выбравшись на берег, я заметила, что на меня как-то странно посматривает народ, которого подсобралось много. И наши девчата, и местные парни.

Я сидела на берегу, обхватив колени руками, и молча взирала на плывущие по голубому озеру облака, на солнечные лучи, золотыми бликами рассыпающиеся по волнам, вызванным лёгким дуновением ветерка.

Хорошо сложенный блондин, проходя мимо, заглянул мне в глаза. С ленивым равнодушием моё подсознание отметило, что он хорош и очень похож на киноактёра Олега Видова, а сознание было наполнено ароматами бытия...

В воскресенье в местном клубе организовали дискотеку. Я пошла вместе со всеми, слегка подкрасив ресницы. И впервые испытывала скуку, почти не танцевала, тогда как в любое другое время ни одного танца не пропускала и отплясывала до изнеможения.

Совершенно не волновали меня и мальчики. Я скучала по Мише.

Я ушла из клуба одна. И уснула, лишь коснувшись головой подушки.

К непомерной физической нагрузке я привыкла, как и к ежедневным поездкам туда и обратно в тесном автобусе по пыльной дороге с неизменной в числе других, весьма актуальной на тот момент песней Макаревича. «Вот новый поворот, и мотор ревёт. Что он нам несёт — пропасть или взлёт, омут или брод? И не разберёшь, пока не повернёшь. И пугаться нет причины...» — орали девчонки в двадцать моло-

дых глоток в битком набитом салоне, подпрыгивая на особо ухабистых местах и взрываясь смехом.

Меня от песни мутило.

Еда в столовке казалась пресной. Я испытывала какое-то неудовлетворение от пищи. Хотелось ещё чего-нибудь втолкать в себя, чтобы заглушить мучительное чувство голода.

Вечером мы с девушками отправились в западную, зажиточную часть посёлка, где кирпичные дома стояли ровными рядами в окружении богатых приусадебных участков и дворов с необходимыми постройками: летней кухней, стайкой для живности.

Практически в каждом хозяйстве держали коров, а молоко, оказывается, сдавали государству и неплохой дополнительный доход от этого имели.

У одной из хозяек мы купили три литра молока. И с таким удовольствием поели местной выпечки — хлебушек с молочком!

Как оказалось, это именно то, что было необходимо, чтобы успокоить неприятные ощущения внутри меня, когда всё время хочется что-нибудь съесть.

На следующий вечер мы опять, только вдвоём с Надей Кутеповой, пошли за молоком, но опоздали, его уже не было ни у кого, всё сдали.

Тогда мы поплелись на другой край деревни, где потёртые временем деревянные дома были раскиданы в полном беспорядке по холмистой местности. В одном из них нас встре-

тила пожилая женщина с добрыми глазами. Узнав, что мы студентки, она угостила нас пирогами и, наполнив трёхлитровую банку молоком, наотрез отказалась брать деньги.

— Моя дочка тоже учится в городе, может, и её кто обогреет, — сказала она, с материнской грустью глядя на нас.

Молока хотелось и на следующий день, но к сердобольной женщине идти постеснялись.

За завтраком меня вырвало. Внутри происходило что-то непонятное.

Неужели беременна?!

В обеденный перерыв я разыскала поликлинику и попала на приём к гинекологу, которая подтвердила мои подозрения после осмотра. И выписала справку о несовместимости моего нынешнего состояния с трудовой деятельностью на стройке.

Я получила расчёт: аж 50 рублей! Размер моей стипендии — и всего лишь за две недели. В местном магазине я купила первую в своей жизни кожаную дамскую коричневую сумочку на длинных ручках. И попрощалась с девчонками.

Я поехала не домой, а к нему. Удивлённый моим неожиданным возвращением, растроганный сообщением о беременности, Миша светился тихой радостью.

Его родители встретили меня приветливо. Познакомилась я и с братьями — Андреем и Колей. Андрей всего на полтора года младше Миши, но не желал находиться на вторых ролях

и всю жизнь боролся со старшим братом за пальму первенства, словно хотел кому-то доказать, что он лучший. Состояние противостояния осталось в нём навсегда.

Несмотря на разницу в возрасте, в армию они пошли одним призывом, только в разные войска и в противоположных направлениях: Миша в Подмосковье, Андрей в Казахстан (часть располагалась на озере Балхаш). И вернулись со службы в одно время, наполнив двойной радостью сердце матери, страдавшей вдвое сильнее от разлуки с двумя сыновьями.

Коля, крепко сбитый мальчик, младшенький в семье, с разницей в возрасте с Мишей в девять лет, льнул к старшему брату, который с удовольствием возился с ним. Коля мелькал у Миши где-то наверху — между широкими плечами и загривком. Тогда как к Андрею малой не подходил, тот строился над ним без меры.

Мы шли по селу в обнимку, не стесняясь прохожих. Я в стройотрядовской форме тёмно-зелёного цвета: брючки и куртка с закатанными рукавами поверх белой майки, обтягивающей мою худенькую фигурку и небольшую грудь, не отягощённую лифчиком, чего я в этот момент почему-то не стеснялась.

Солнышко ласково припекало, и куртку я сняла, оставшись в одной майке.

У Мутовских Веры Андреевны (сводная сестра Мишиной мамы) и Ивана Васильевича уже собрались родственники: их дочь Лена (моя ровесница) с мужем, Мишины родители и ещё одна его родная тётка — Зина. Они уже стряпали пельмени. На столе стоял тазик с мясным фаршем, лежало приготовленное тесто, от которого Зина отделяла куски, раскатывала их в длинные жгутики, разрезала на мелкие равные дольки и, обваляв в муке, превращала в шарики, а Лена, ловко орудуя скалкой, — в тонкие кругляши. Все остальные заворачивали в них фарш. У меня пельмешки получались аккуратные.

Всё действие сопровождалось шутками-прибаутками, смехом, лёгким подтруниванием друг над другом. Тётя Вера тут же отваривала готовые пельмени.

Ели их под стопочку. Я не пила. Лена попробовала шутливо возмутиться, Мишина мама в такой же форме защитила. Я стеснялась. Миша окружил меня вниманием, нежностью и заботой, и я почувствовала себя уютно под его плечом.

С Мишей мы договорились: я отправляюсь домой, а в воскресенье он приезжает ко мне со сватами.

Мои родители, как всегда, встали рано. Отец управился со скотиной, бабушка и мама суетились на летней кухне. Мама напекла свои фирменные беляши. Пожарили картошку с грибами. Я настрогала салат из свежих овощей, заправив домашней сметаной.

Миша с родителями прибыли утренним автобусом, в девять часов, вместе с бойкой тёткой Зиной, которая и выступала в роли свахи: «У вас товар, у нас — купец...»

Я очень волновалась. Миша от смущения стал пунцовым. Познакомились. Стол накрыли на веранде. К имеющемуся спиртному сваты выставили своё — литр чистейшего первача (самогона), который хорошо шёл под солонину и салце. Всё, что положено сказать, было сказано. А свадьбу решили играть на ноябрьские праздники. Дело-то серьёзное, подготовки требует. И через какое-то время (у нас теперь есть дочь, а у нас — ещё один сын) нам предложили прямо с той минуты называть родителей своей половины мамой и папой и потребовали произнести эти слова незамедлительно. Что мы и сделали, смущаясь и краснея.

Папа, захмелевший с первых же стопок, как всегда, стал барагозить, мама укорачивала его, совестила. Бойкая тётка говорила:

— Сват, не выступай! Тут я выступать буду.

— Ну-ка, тихо, сват! — приструнивала и Мишина мама. А его отец добродушно улыбался.

Я сгорала от стыда. И страха. Я думала, Мишины родители откажутся от намерения породниться с такой семьёй. А потом решила, пускай будет как будет. Всё равно я от родителей не отрекусь. Миша обнимал меня, касался моей руки своей жаркой ладонью. Похоже, ему было наплевать, что происходит вокруг.

Возможно, чтобы сгладить напряжение, тётка предложила пойти за грибами в наш знаменитый сосновый бор.

Они ходили шумной толпой, а я оторвалась ото всех, душой отдыхая в родной стихии.

Тётка, быстро сообразив, что со мной не останется с пустой корзиной, не отставала от меня ни на шаг. В лесу я знала каждую выемку, каждый холмик. Где какие грибы растут, известно мне не понаслышке. И хотя грибной сезон ещё не был в разгаре, нам удалось набрать бычков для засола, лисичек, подберёзовиков и даже несколько подосиновиков.

Сваты уехали. Мы с Мишей остались в доме моих родителей.

Моя двоюродная сестра Рая утопила меня в радостных объятиях. О том, что она по-тихому расписалась с Митькой, жившим когда-то с ними по соседству, мне рассказала мама. И наконец я увидела их вместе. Мы поздоровались и заново все перезнакомились.

Митька был намного старше Раи. Он окончил школу, когда мы ещё под стол пешком ходили. В то время он увлекался фотографией.

Помню, мы с мамой ходили к ним домой фотографироваться, с нами была и Рая со своей матерью. Как-то так получилось, что он посадил к себе на колени крошечную, пухленькую, с огромными голубыми глазами Раю и шутливо сказал: «Вот моя невеста!»

Я подивилась, как сложен сотканный жизнью узор. Насколько материальны слова наши, мысли, желания.

Митька и сейчас не расставался с фотоаппаратом. Он снял на плёнку меня с Мишей в обнимку, нас с Раей на бабы-Тасиной горе.

Бабушка потчевала нас блинчиками, фаршированными творогом с топлёным сливочным маслом собственного приготовления. Мы смеялись, вспоминая забавные эпизоды детства. То, например, как Рая, не боявшаяся гусей, изловчившись, хватала нападавшего гусака за вытянутую шею, приговаривая: «Тега, тега, тега», а мы с Любашкой, младшей родной Раиной сестрой, от страха удирали во все лопатки подалее отсюда. Но именно нас они и щипали изрядно и проходу не давали, чувствуя нашу слабинку.

Баба Тася радостно удивлялась тому, что мы уже с кавалерами, и мечтала о том, как через несколько лет, когда у нас появятся детки, мы соберёмся все вместе здесь, на летней кухне!.. И будем вспоминать!

Через недельку мы поехали гостить к Мишиным родителям.

Это было чудесное лето. Иначе как «солнышко» и «лапочка» мы друг друга не называли. Миша катал меня на раме велосипеда — жутко романтично! Что может быть лучше, чем мчаться в объятиях любимого навстречу тёплому ветерку, ласкающему пряди волос!

Мишин брат Андрей прокатил меня на мотоцикле до «защитки» (длинная полоска земли, засаженная тополями) и обратно — лёгкая проверка Мишиной реакции могла закончиться разрывом Андрея с его девушкой Мариной. Её родители чуть не учинили скандал его родителям, предполагая, что их сын привёз из города бывшую невесту — «первую любовь», с которой, кстати, разбежались по недоразумению, не выдержав испытания, подброшенного судьбой. И кто тут виноват?! Что привело к разлуке? Гордыня Андрея? Или так и должно было случиться?! И ничего тут не попишешь.

Мишина реакция приятно удивила: ни малейшего намёка на ревность. Нежность, бесконечная нежность исходила от него. И доверие.

В нежности в это лето я накупалась на целую жизнь вперёд.

С Мариной Андрей помирился. Вчетвером мы побрели на гору, к вышке. Хотели поискать грибы, растущие под тополями. Точное их название никто из Мишиной родни толком и не знает, одни их называют тополёвками, другие — подтополивиками. Мне, человеку лесному, они казались странными, я их за грибы не считала.

Грибов мы не нашли, но время провели весело, дурачась от души. Миша присел, поднырнул под мои ноги, и я вмиг оказалась на его шее, он побежал наперегонки с братом, а я заливисто смеялась, рассыпая бисер смеха по солнечной по-

ляне. За этой картиной, оказывается, наблюдало всё село — мы были на лысом склоне как на ладони, о чём нам с доброй усмешкой поведала Мишина мать. А нам было всё равно.

В обувь набрался песок, в дом с такими грязными ногами заходить не хотелось. Миша налил в тазик воды и принёс на веранду. Я поставила ступню и шутливо сказала:

— Доверяю вам, сударь, омыть мои ноги.

Я думала, что мы уже на таком уровне взаимопроникновения, что он примет шутку и сделает то, о чём просила, красиво, немножко театрально. Но я ошиблась. Миша отказался. Я обиделась. Мне казалось это таким же естественным, как выпить стакан воды. Потому что, если любишь, не противно сделать приятное любимой. Он отказал мне в такой малости. Меня задело. И понесло.

— Значит, не любишь! Я уезжаю! Всё кончено!

Я помчалась к двери, словно фурия. Он не пустил. Я применила всю свою силу, чтобы вырваться, но он сильнее. Он запер меня в доме. Тогда я подскочила к окну и вылезла в форточку. И как я там не застряла?! И не упала вниз?! Всё прошло благополучно. Но осуществить свой бешеный план до конца мне не удалось. Миша настиг меня, обнял и попросил прощения. И стал уверять в любви. А его мама смотрела насмешливыми глазами. И потом часто вспоминала этот эпизод.

— В форточку она полезла, ишь. Не надо было держать

её, сынок, — говорила она с необидной, только ей присущей насмешливой интонацией.

В город мы решили ехать не к началу учёбы в институте, а раньше, нужно было подыскивать жильё. На время нас приютили мои родственники: двоюродный брат моего отца Николай (он старше меня всего на восемь лет) и его жена Софья.

«Какие хорошие люди!» — не переставал восхищаться моей роднёй Миша. Так тепло привечали они нас в небольшой кооперативной двушке, где жили с двумя маленькими детьми (деньги за неё им предстояло выплачивать полжизни).

Вступать в строительный кооператив не было нормой в советское время, но реальная возможность решить жилищные проблемы быстрее, нежели дожидаясь длинной очереди на получение бесплатного жилья, в то время была. Стабильная работа, хорошая зарплата — факторы, дающие уверенность в завтрашнем дне.

Николай — сварщик высокого разряда, профессионал — трудился на котельном заводе, и труд его высоко оплачивался, он получал намного больше, чем инженер, потому и не стремился никогда в ИТР, а гордился своей рабочей профессией, за которую его уважали и почитали. Софья начинала на химзаводе с низшей ступени — простой работницей, потом стала мастером. Её заработок также казался баснословным

по тем временам. Оба энергичные, особенно энергия была ключом из Софьи. Маленькая, черноглазая, она была словно солнечная батарейка. До всего ей было дело, обо всём у неё своё суждение, и, как правило, категоричное — в своей правоте Софья никогда не сомневалась.

Коля и Софья пригтели нас.

Думали, перебьёмся у них два-три дня, пока не найдём жильё, а задержались надолго.

Третья неделя шла, а дело не двигалось с места. Мы бродили по городу, читали объявления, но всё как-то без толку, тогда мало кто сдавал квартиры. Одновременно Миша устраивался на шинный завод, проходил комиссию. Я нашла подработку на почте — телеграммы мы разносили вместе. Одна телеграмма была очень странного содержания, прочитав её на наших глазах, мужчина побледнел.

Мы блуждали среди высотных домов нового Солнечно-го района в поисках нужного адреса, уставали очень. Я так исхудала, что меня сдувало ветром. Ела мало, было нечего, негде и особо не на что. Да и не хотелось, меня всё время мучило. Но с каким удовольствием однажды вечером я уплела селёдку с жареным картофелем у Стародубовых!

Не знаю, сколько бы ещё мы потратили времени в бесполезных поисках, если бы не Софья. Ей посоветовала рассмотреть вариант со старушкой моя подруга детства — мать её коллеги сдавала комнату. Правда, она предупредила, что дом деревянный и хозяйка вредная. Но деваться было некуда.

да, и мы, конечно же, уцепились за это предложение. Посмотрели, договорились об оплате и сразу же вселились.

В сентябре наступило бабье лето. Было тепло, и я из брюк и курточки перебралась в летнее платьице. На мой день рождения приехал из деревни Андрей с другом. Ещё я пригласила единственную однокурсницу, оказавшуюся в городе, Машу Иглову. Она помогла мне выбрать вино, я в этом ничего не смыслила. Мы купили белое полусухое — рислинг. Посидели неплохо. Но уже к концу посиделок я обнаружила у себя кровяные выделения. Думала, пройдёт. Но дальше — больше. Когда гости разошлись, у меня началось кровотечение, как при месячных, стали выходить сгустки. Мне казалось, с каждой каплей из меня выходила жизнь. Миша звел скорую.

Меня выскребли. Какое странное, жуткое слово. Кровотечение продолжалось три дня, и когда уже гинеколог повторно собрался чистить, из меня плюхнулся большой кусок, после чего кровяные выделения прекратились. И меня выписали. Неожиданно, среди бела дня. Миша был на работе.

Я смотрела пустыми глазами в окно трамвая на серые дома, унылый пейзаж, проплывающий мимо, — день был на удивление блёклым, — и ничего не могло зацепить мой взгляд. Внутри была пустота. Словно выжженная пустыня. И полное равнодушие. И апатия. Я бы не заметила даже, если бы меня переехал трамвай. Я думала, с этим жить нельзя.

В октябре начались занятия. Интуитивно я понимала: чтобы избавиться от боли, надо загрузить себя «по полной», не оставляя ни секунды для переживаний. Врачи сказали, что пока мне беременеть нельзя, надо с годик отдохнуть. А потом всё получится. На это я и настроилась, с головой погрузившись в учёбу и спорт. И постепенно начала возвращаться к жизни.

Я снова подняла вопрос о досрочном снятии с меня полномочий старосты. Начали искать замену, но никто не хотел занять это место, яростно отбиваясь от «высокого доверия», подыскивая убедительные аргументы и доводы.

Виталий Иванович находился в полной растерянности. В конце концов кого-нибудь он назначил бы в приказном порядке. Но тут встала Марина Шаталова и предложила свою кандидатуру, спасая положение. Это было круто. И смело. Решиться на такой шаг — значит заработать себе репутацию выскочки. Марина понимала, но не испугалась.

Между тем стремительно приближался день моей свадьбы. Месяц пролетел мгновенно.

Мы ссорились. Из-за простого невнимания, нечувственности. Из-за пустяка бежать в ночь! Какая глупость. Но понимание приходит позже. Со временем. И то, что женщина и мужчина чувствуют по-разному. И поступают. И не надо требовать киношных страстей. И нервы тратить. И душу рвать. Житейская муд-

рость приобретает годами. И опытом. Если мысленно проведёшь работу над ошибками и сделаешь правильные выводы. И всё равно иногда попадаешься в сети эмоций, не успев подключить мозги.

Мама купила мне белые туфли, фату и свадебное платье в комиссионке — не самое шикарное, потому что выбора не было. Как назло, наряды расхватали загодя. Такое чувство, будто все девушки СССР выходили замуж именно на ноябрьские праздники. Хотя белое платье мне всё равно шло. В зеркале я сама себе нравилась.

5 ноября после прогона отрывков — долгий разбор полётов. Виталий Иванович со своей неизменной сигаретой в руке и дымным облаком вокруг пространно говорил о каждой работе. Время шло. Все были как на иголках. В 16:20 отходил поезд. Ко мне на свадьбу ехала почти вся группа, за исключением нескольких человек. Народ нервничал. Мне показывали на часы. Я пожимала плечами: а что я могу сделать? Прервать Виталия Ивановича было выше моих сил.

— Виталий Иванович! — извиняющимся тоном обратилась к учителю Любаша Белова, сделав бровки домиком. — Отпустите нас, пожалуйста, мы на свадьбу опаздываем!

— На какую свадьбу?!

— К Галке Стародубовой.

— Галка, ты замуж выходишь?! — удивился он. — Что ж, дело хорошее. Забирайте Алексея Ильича...

— А меня никто не приглашал, — отмахнулся Волков и

покраснел.

Краска стыда, казалось, залила все мои внутренности, совершенно, правда, не отразившись внешне, наоборот, я стала ещё бледнее, об этом мне потом подруга сказала. Я не пригласила на свадьбу ни Виталия Ивановича, ни куратора! Никого из педагогов. Я про это даже не вспомнила. И никто мне не подсказал. Хотя все жили ожиданием предстоящего события уже пару недель.

Я что-то промямлила по поводу того, что буду очень рада видеть у себя на торжестве Виталия Ивановича и Алексея Ильича, понимая всю абсурдность весьма запоздалого приглашения. Виталий Иванович, дав нам ЦУ, сопроводив добрыми напутствиями, отпустил с миром.

Спасибо Любаше. Времени оставалось слишком мало. А мне надо было заскочить к себе на квартиру, кое-что подсобрать. Наташа Прохорова поехала со мной. Я старалась всё делать быстро. Но очень долго не было трамвая. И он слишком медленно ехал. От остановки до самого вокзала мы бежали со всех ног. И о, ужас! Когда мы оказались на перроне, то увидели, как поезд удаляется, покачивая последним вагоном. Катастрофа! Я опоздала на собственную свадьбу!

В полном отчаянии я металась по перрону, не отставала от меня ни на шаг и преданная моя подруга, Наташка. И вдруг! Появилась Любаша Белова! Полы плаща, рыжие волосы, глаза — всё нараспашку! Растерянность, сквозившую во всём её облике, сменила мгновенная вспышка радости,

но она оказалась недолгой. Поезд ушёл. Как?! Ушёл! Что же теперь делать?! Этого я не знала. Я вошла в ступор.

И тут я увидела Андрея! Волна эмоций толкнула меня к нему, я повисла на его шее. Уму непостижимо, как Мишин брат оказался здесь именно в этот день, час, минуту! Случайность? Судьба? Как бы там ни было, «явление Андрея» казалось спасением. Нас уже четверо! Не зря говорят — страшно помирать в одиночку, а на миру и смерть красна.

Горячая лихорадка захлестнула мой изобретательный мозг. Понимая, что на собственную свадьбу должна попасть во что бы то ни стало, я начала перебирать в голове множество вариантов, один фантастичнее другого. Передо мной стояла определённая цель, значит, надо приложить все силы, чтобы её достичь. Такая у меня натура. Я большой мастер создавать препятствия, а потом их преодолевать. И тут равных мне нет. Я включаю внутренний моторчик и начинаю действовать. При этом использую мыслимые и немыслимые возможности и способы, логически просчитывая ходы. И если ничего не получится, то я со спокойной совестью могу сказать, что сделала всё от меня зависящее и упрекнуть меня не в чем. Не получилось — значит, так и должно быть.

Вот и сейчас моторчик включился. Я разработала стратегию действия. Мы купили билеты на ближайшую электричку, доехали до Алтайки — станции, где пересекаются поезда, следующие в разных направлениях, но в нашу сторону в ближайшее время ничего не было. Тогда мы стали ловить

такси. Никто не решался на ночь глядя за сто с лишним километров везти пассажиров в один конец. И всё же нашёлся чужак, согласился, однако заломил такую цену! Но деваться было некуда. Девчонки достали по пять рублей (подозреваю, подарочные — мне на свадьбу), и мы с Андреем наскребли около того.

В Поляну мы приехали почти в полночь, когда нас уже не ждали.

Я была такая счастливая, думала, Миша кинется меня обнимать. Не тут-то было. Таким злым я видела его впервые.

— Никакой свадьбы не будет, — прошипел он сквозь зубы, — можешь уезжать, откуда приехала.

Никакие уговоры, ни Андрея (всё-таки мне здорово повезло, что мы были в одной лодке), ни родителей, не могли смягчить его сердце.

Девчонок накормили и отправили ночевать в компанию к остальным однокурсникам, расквартированным по родственникам.

Миша дулся на меня до самого утра, ночью спал, отвернувшись к стенке. Я испытывала чувство вины. До меня наконец дошло, что мог чувствовать жених, который приехал на разъезд, чтобы встретить невесту, и не обнаружил её среди гостей.

Утро прошло в сборах. Наташа Мазурова, её я выбрала на роль подружки невесты, соорудила на моей голове причёску,

на неё нацепили длинную прозрачную фату. Лёгкий макияж дополнил картину, преобразив меня до неузнаваемости.

Когда я увидела Мишу (мы одевались в разных комнатах), то просто обалдела — до чего он был хорош. Широкоплечий, в тёмно-синем костюме, с копной чёрных волнистых волос, с соболиными бровями, он походил на цыгана.

Миша подхватил меня на руки и нёс до самой машины.

До загса, а вернее, до сельского совета, где назначена регистрация, рукой подать. День выдался на удивление серый, промозглый. Грязные глинистые улочки слегка подморозило и ночью подсыпало первым снежком. С неба безостановочно валил мокрый снег, будто кто-то охапками бросал его на землю. Но странное дело, погода никак не отражалась на моём внутреннем состоянии — там было светло и тепло. И отсутствие солнца в небе не смущало — солнце плескалось внутри меня.

В сельсовете нас давно ждали. Родственники сидели на лавочках по бокам не очень большого зала. По сценарию организаторы говорили тёплые нужные слова, предлагали какие-то испытания... Наконец пригласили к столу, где в торжественной обстановке задали традиционные вопросы, и мы ответили: да.

Я настолько была поглощена происходящим внутри меня, что ничего вокруг не замечала. Лишь на мгновение мой взгляд, устремившись наружу, выхватил из внешнего мира маму. Она не плакала, как чаще всего бывает с матерями, вы-

дающими замуж своих дочерей. Мама задумчиво и отрешённо смотрела куда-то вдаль. Я тут же забыла о своём впечатлении. Счастье захлестнуло меня безмерно! Наверное, правда, счастливые люди бывают слепы.

Мы расписались в регистрационной книге, обменялись кольцами, скрепили наш союз долгим поцелуем. Поздравления, брызги шампанского! После чего мы поехали кататься по достопримечательным местам.

Первое и единственное такое место в селе — памятник погибшим воинам в Великой Отечественной войне, запорошенный снегом. К его подножию мы возложили цветы, и уже через пять минут были возле места проведения банкета — здания бывшей столовой.

На крыльце нас встречали гости: мои однокурсники, Мишины родственники и друзья, а также моя родня — родители, бабушка Тася, двоюродная сестра Рая с мужем и тётя Нина (двоюродная сестра моего отца) с мужем дядей Пашей Руденко; для них по просьбе моих родителей в посёлке выделили специальный автобус.

Нас обсыпали пшеном и мелкими конфетами. А на пороге дали откусить от каравая. Мишин укус был внушительнее.

Свадьба пела и плясала. И я на этой свадьбе была королевой. Главным действующим лицом. Как в пьесе. Простой смертный столько внимания не получает за всю свою жизнь, как в этот исключительный день.

Свадьбу вела ещё одна двоюродная Мишина тётушка.

Умело, лучше всякого тамады, проходя все традиционно заведённые этапы, тётя Нина звонко и остроумно руководила процессом. Речи, подарки, крики «горько», перекусы, танцы — всё как положено.

Невесту пытались украсть, но Миша бдительно за этим следил и не выпускал меня из своих крепких рук. И только раз я попалась. Напротив меня за стол сел Мишин приятель; заигрывая со мной, он начал отвлекать разговорами. И в этот момент с моей ноги кто-то стянул туфлю, да так ловко, что я и опомниться не успела. Только вскрикнула от неожиданности и откровенной наглости. Миша был раздосадован.

На выкуп ему предложили протанцевать танго со мной на руках. Звучала длинная-предлинная медленная мелодия, сотканная из бесконечной нежности. Я утопала в любви и таля, словно снегурка. От счастья у меня кружилась голова. А каково было Мише двигаться в ритм мелодии, держа на руках чуть более полста килограмм?! Об этом я не думала.

Туфлю мне вернули сразу же, как закончилась музыка. И свадьба двинулась дальше.

Поздно вечером ребята с моего курса шумной компанией отправились на разъезд, Мишины тётушки снабдили их на дорожку спиртным и закуской. Оказывается, и сами они не растерялись — умыкнули пару-другую бутылок, так что возвращались в город не скучно. И потом ещё долго, до самого последнего курса, вспоминали мою свадьбу как самое весёлое приключение.

На второй день со мной осталась лишь «подруга невесты».

Наше брачное ложе располагалось в дальней комнатке — узком пенале, где мы и спали всегда, приезжая к родителям.

По соседству, в зале, свою собственную кровать занимали Мишины родители, а на полу разместилась молодёжь: Андрей, Мишин дружка с женой, моя «подруга невесты» и какая-то родственница. Коля и мои родители были в детской. Остальные приезжие родственники разошлись по родне.

Я не знала, что так бывает. Брачная ночь, наполненная нежностью и негой поцелуев, лёгких касаний, объятий, прикосновений этого дня, превзошла самые смелые мои ожидания. Я забыла обо всём на свете, будто впервые мы касались друг друга, всё было новым и незнакомым по ощущениям. Мы парили в небесах вдвоём. Такой ночи не было ни до, ни после. Она осталась навеки единственной и неповторимой.

На второй день свадьбы народ кидал на пол мелочь, теряющуюся в кучках специально разбросанной соломы. Мусор должна была собрать невеста. И чем расторопнее она это делала, тем больше почёта ей — считается, хозяйка будет хорошая. Я на деньги не кидалась с алчностью, собирала вполне пристойно, Миша помогал. Накидали приличную сумму, мы потом подсчитали.

И этот день пережив, мы проводили последних гостей на автобус, который доставил их на разъезд, где они благопо-

лучно сели на поезд.

Моя родня тоже уехала. Мы остались на пару дней погостить.

Но, хочешь не хочешь, пора и нам было возвращаться в мегаполис.

В городе жизнь быстро вошла в привычное русло. Миша просыпался рано, быстро одевался, будил меня и уезжал на работу. А я ленилась, потому что занятия в институте начинались позже.

Миша говорил: «Галка, вставай!», я медленно поднималась, а когда он выходил из комнатки, я снова бухалась в кровать. Но стоило ему появиться на пороге, я резко подскакивала и стояла, как оловянный солдатик — руки по швам, до тех пор, пока он, успокоенный, не отправлялся на работу. Вот тут-то я и отрывалась, спала так сладко, что частенько опаздывала на лекции.

Иногда я думала со страхом: как же я буду вставать по ночам к своему ребёнку?! Если он у меня когда-нибудь будет...

К концу ноября снежный покров укутал город, окончательно утвердившись в своих правах. Сильные ветра продували насквозь мою искусственную шубку. На свадьбу нам накидали 362 рубля, помимо подарков (от моих родителей я получила ножную швейную машинку и 100 рублей). Это были приличные деньги, во всяком случае, так нам казалось. Миша хотел приодеть меня, но на приглянувшуюся мне на

рынке натуральную дублёнку этого оказалось мало, она стоила 400 р.

Начались лыжные тренировки. Им я отдавалась без остатка, как прежде ощущая лёгкость утомлённого нагрузками тела и воздушность души, напоённой кислородом и гормоном радости. Тревожным диссонансом на эту эйфорию чувств откликнулось сердце, когда месячные вовремя не пришли. От своих подозрений я отмахнулась: ну, мало ли, бывает. Но вскоре, почувствовав, что внутри меня что-то происходит, я запаниковала. Врачи сказали, что организму надо дать отдохнуть хотя бы год, только потом думать о новой беременности, иначе не выношу. Они были уверены, что зачать после того, что случилось со мной, я не смогу. Во всяком случае, в ближайшее время.

А может, я просто ошиблась?! И это обычная задержка?

Я с утроенным рвением бегала на тренировках и вытворяла немыслимые кульбиты на уроке сценического движения. Напрасно. С каждым днём росла неудовлетворённость внутри меня, мне всё время хотелось что-нибудь съесть, чтобы заглушить её. А что именно, я не знала.

И когда наконец поняла, что во мне зародилась новая жизнь, я ужаснулась. Что же я делаю?!

С этого момента я стала бояться самой возможности снова не выносить ребёнка. Никаких резких движений! Я даже ходить стала медленней.

Свадьбу Мишиного брата Андрея и Марины отпраздновали через месяц после нашей, в Зелёной Поляне. Новый год провели там же, у родителей. Потом сессия. По инерции я сдала её отлично. Встала на учёт по беременности.

У меня начался страшный токсикоз. То малое, что мне удавалось впихнуть внутрь себя, долго там не задерживалось. Гинеколог, наблюдавшая меня, молодая, видимо недавно с институтской скамьи, была ко мне очень внимательна. Она написала направление на сохранение. Но меня с первого раза в гинекологию не положили, потому что я по наивности рассказала о своём насморке, хотя могла бы и скрыть. Я очень боялась, что снова случится выкидыш.

Через неделю меня положили в больницу, расположенную в районе Нового рынка. Почти месяц я отлежала там вместе с другими молодыми женщинами — и старше, и моложе меня, готовящимися стать матерями. Мне кололи магнезию, и меня уже не тошнило. Миша приходил ко мне каждый день, передавая для меня в приёмном покое (свидания в связи с карантином были отменены) что-нибудь вкусненькое, и мы с женщинами из палаты, преимущественно такими же молодыми, как и я, с удовольствием съедали за общим столом всё, что приносили нам мужа.

Я смотрела из окна второго этажа на Мишу, ему очень шло тёмно-серое пальто с каракулевым воротом. Девчата заглядывались, у тебя муж красивый, говорили.

Бабка чуть не отравила нас угарным газом, закоптив стены, продымив насквозь квартиру. Остро встал вопрос жилья. Мы понимали, что жить со старухой, похожей на бабу-ёжку из сказки «Морозко», ни за какие коврижки больше не будем.

Миша уволился с завода и устроился сантехником в ЖЭК, контора выделила нам маленькую комнатку в общежитии для мужчин, от моторного завода. Мы были бесконечно счастливы: у нас появилась отдельная жилплощадь! Пускай и маленькая, зато без всяких хозяек-соглядатаев.

По иронии судьбы я вернулась практически туда, где много лет жила, в соседнем общежитии для женщин. Откуда начиналась наша с Мишей история.

Из мебели — две кровати, два стула и стол. Всё казённое. Ещё плитка, на которой можно готовить, не выходя на общую кухню. (Кстати, женский туалет этажом ниже, на ночь мы ставили ведёрко, как делают в деревенских избах.)

Постельное бельё у меня было, его собрала мама в качестве приданого (баба Тася подарила подушку из гусяного пера). Мама выделила нам алюминиевую кастрюлю, парочку чашек и кружек, железных, фарфоровых тарелок — всего понемногу, но и этого — за глаза! Ещё мама привезла мне домашние заготовки из овощей. И я с удовольствием варила супы, впервые за долгие студенческие годы наслаждаясь не столовской пищей, а собственного приготовления.

Мама всегда оказывалась рядом, и только с тех пор, когда

её не стало, я начала понимать это и мучиться оттого, что недодала ей тепла, не вернула долг дочерний, захлёстнутая собственным эгоизмом.

Теперь дела и мысли были подчинены ребёнку в моём животике, который подрастал с каждой неделей. Я ходила медленно, стараясь не потревожить малыша. Движения мои стали плавными и женственными, а душа, словно тихая гавань, излучала умиротворение. Ничто не могло нарушить состояние внутреннего покоя, заглушить тихий перезвон колоколов в душе моей. Внешние события проходили мимо меня, не нарушая вселенской гармонии внутри, и служили лишь фоном зародившейся жизни.

Лекции я посещала через раз и в бурной творческой деятельности группы не участвовала. Ребята не брали меня в свои отрывки, Виталий Иванович не задействовал в культурно-массовых мероприятиях. Он относился ко мне с мягкой деликатностью. Никогда не задавал вопросов, почему опоздала или не пришла на его урок, воспринимал как должное всё, что бы я ни делала. Пришла — хорошо, не пришла — никто истерик по этому поводу не закатывал. И даже когда однокурсники поехали в Бийск, чтобы присутствовать на репетициях спектакля, который наш режиссёр ставил в местном театре драмы, меня к поездке никто не обязывал. Мы с Мишей сами решились на этот шаг. Я не могла пропустить важное для меня событие — премьеру спектакля учителя в театре драмы.

В Бийск мы приехали вечером, накануне премьеры, тогда как ребята смотрели репетиции — учились у мастера. Остановились у Мишиного армейского друга Володи. Встреча была тёплой, мужчины пропустили по стопочке.

Володя интеллигентный, мягкий человек. Жена Лена полная ему противоположность — маленького роста, боевая, разговорчивая. А вообще приятные люди, инженеры. Она ждала Володю из армии и даже навещала его во время службы, поэтому с Мишей они были знакомы.

Мы общались допоздна. Моя учёба в институте культуры заинтересовала Лену. Оказывается, в детстве она участвовала в художественной самодеятельности и мечтала стать работником культуры, а техническую профессию выбрала, чтобы с любимым не то чтобы рядом быть, а чтобы смотреть в одну сторону.

Но для этого совсем не обязательно иметь общую специальность. В отношениях важно что-то другое. По-видимому, у Лены наступило разочарование в выбранном деле или в спутнике. Во всяком случае, между ними чувствовалось лёгкое напряжение.

В театр мы добрались на трамвае ближе к обеду (не люблю Бийск за его растянутость и какую-то бесприютность).

— Вы к кому? — остановили нас в фойе.

— К Виталию Ивановичу, — бойко ответила Лена.

— Он занят. Репетирует.

— Где?

— На сцене.

— Где это?

— Там, — махнул рукой наш собеседник. — Только вряд ли он сможет вас принять...

Лена без лишних слов решительно направилась в указанную сторону. Мужчина ухмыльнулся саркастически:

— Ну-ну...

Лена уверенным шагом промаршировала из задней кулисы на середину сцены.

Не успев её остановить, я последовала за ней, стора от стыда и неловкости, чётко осознавая, что этого делать нельзя. Я уже слышала голос Виталия Ивановича, работавшего с осветителями. Хорошо хоть не репетировал. Представляю себе его изумление, когда из-за кулис навстречу свету выкатилась незнакомая девушка.

Ослеплённые софитами, ни я, ни она этого видеть не могли. Лена, словно рыба, выброшенная на берег, молча глотала воздух открытым ртом.

Повисла недоумённая пауза.

— Виталий Иванович, — поспешила обратиться я, — мы приехали посмотреть спектакль.

— А, Галка! — в его голосе прозвучали тёплые нотки. — Прогон начнём через часок, подождите в комнате со всеми нашими. Проводите их к студентам, — обратился он к мужчине, который указал нам путь сюда и оказался ведущим ак-

тёром театра.

Куратор, увидев мужа, одобрительно подмигнул мне.

Спектакль был удивительный, полётный, как и все, что ставил учитель.

В тот же вечер мы уехали. Миша передал мне впечатления своих друзей.

— Володька тебя боится. Говорит, она такая необыкновенная. Спокойная, правильная очень.

Позже до нас дошли слухи, что Лена ушла с работы и, кажется, от мужа тоже. Осуществилось ли её желание связать свою судьбу с культурой, мы так и не узнали.

Глава 4. Беда

Где-то в четыре месяца случилось первое робкое шевеление. Оно повторялось через разные промежутки времени, порой пугая своим отсутствием.

Из-за первого выкидыша я всё время боялась, вдруг что-нибудь пойдёт не так. Но, слава богу, ребёночек развивался нормально, что подтверждалось во время ежемесячных посещений гинеколога.

Мой животик заметно вырос. По его форме большинство знакомых и родственников склонялись к тому, что будет мальчик, и мало кто высказывал противоположное мнение.

Педагог по сценической речи Алла Ефимовна Гончарова во время индивидуальных занятий предложила мне сесть на пол и по особым известным ей приметам сделала вывод:

— Девочку родишь.

Умытая дождями и потоками тающих снегов весна радовала набухающей сиренью. Хотелось чего-нибудь вкусненького, а денег не было — единственный минус в нашей общежитской жизни, из которого мы трагедии не делали. Уйдя в сантехники, Миша, конечно, сильно потерял в зарплате. На заводе он получал в разы больше. Оплата его труда в ЖЭУ была чуть больше моей повышенной стипендии в 50 р. Приходилось экономить. Миша сдавал собранные по этажам

бутылки и покупал яблоки для нас с ребёночком. А ещё он подрабатывал дворником, хотя трудовую книжку оформили на меня.

Летняя сессия промчалась незаметно. По специальности студенты нашего курса осваивали организацию массовых праздников. Проведение Дня города полностью легло на их плечи. Судя по репетициям, затевалось нечто грандиозное. Но представления я не видела, на площадь мы не пошли, боялись попасть в толпу.

В начале лета на рынках появилась виктория, продавали её и бабушки на каждом углу, Миша покупал сладкую ягоду, и я с удовольствием кормила нашего малыша, бурно выражающего свою радость кувырками в животе.

— Смотри-смотри, переворачивается, — звала я Мишу.

Он клал руку на мой живот, малыш замирал. Муж целовал живот, прижимался к нему ухом, слушал. Иногда ему удавалось почувствовать движения ребёнка.

Роды мне ставили пятого августа.

Июль ласкал солнцем и теплом. Мы жили у моих родителей. Живот был большой. А я очень худая. Вместе с животиком килограммов пятьдесят с половиной. От самого пупка до боков живот расползлся красными нитями и страшно чесался. Но меня несколько не беспокоило это обстоятельство. Я даже не думала о том, как буду выглядеть после ро-

дов. Главное, чтобы моему малышу (или малышке) было хорошо и надёжно в этом «домике».

Страшная трусиха, я больше всего на свете боялась невероятных, судя по рассказам, физических мук при родах. Мне казалось, я ни за что не смогу вытерпеть невыносимую боль, какую испытывают роженицы. Об этом я знала из книг. В «Войне и мире» княгиня Болконская умерла при родах. Ещё был случай гибели ребёнка в утробе матери, когда с ней во время беременности случился приступ аппендицита...

Теперь же я, как ни странно, была спокойна и даже не вспоминала о том, что мне предстоит тяжёлое испытание. Я свыклась со своим положением, мне казался вполне естественным мой животик, словно он был и будет всегда, внутри себя сохраняя младенца. И о том часе, когда эта маленькая частица меня вздумает увидеть свет божий и покинет безопасное место, я просто не думала. Жила себе и жила. Я даже ходила в лес за черникой со всей честной подвыпившей компанией родственников и, конечно же, в сопровождении супруга, который от меня не отходил ни на шаг.

Во второй половине июля моя лучшая подруга детства Нинка Саблина выходила замуж. За своего одноклассника Серёгу, умного, непьющего парня, который добился-таки её после пятилетней учёбы в институте. Свадьбу играли во дворе их дома, отражавшегося своими окнами через дорогу и постройки в окне нашего дома. Мы, конечно, были пригла-

шены.

Как на всякой свадьбе, веселье лилось через край. Подруги детства — те, с кем делили игры во дворе, купания в озёрах, походы в лес, — все пришли. Света, Таня, Люся с женихом... Подружкой на свадьбе у Нины была незнакомая бойкая девушка, они вместе работали в больнице в райцентре. За столом прямо напротив нас — брат жениха Коля, мой одноклассник, с женой.

— А ты стала ещё красивее, — сказал он мне, улучив минутку, когда нас никто не мог слышать.

Приятно, конечно, когда беременной женщине говорят такие слова. Да ещё одноклассник, оказывавший в школьные годы знаки внимания.

Танцевали, веселились. А потом невесту украли. Её просто увели в мой родительский дом. Серёга заплатил выкуп. Во время этой церемонии, видимо, моей маме поднесли стопку, после чего она без приглашения заявила на свадьбу.

Я увидела её с краю стола, где она выпивала с кем-то за молодых. Ситуация крайне неприятная. Я попросила её пойти вместе с нами, она отказалась. Мы с Мишей всё же отправились домой, где пробыли совсем недолго. Возвращаясь, я вдруг увидела, как Серёга, Нинкин брат и тоже мой одноклассник, буквально волочит за руку мою маму, сопротивляющуюся изо всех сил.

Я подбежала и со всего маха врезала ему по лицу.

— Извини, Галка! — сказал тихо и ушёл, виновато склонив голову.

Вместе с мамой мы вернулись домой. И больше на свадьбу не пошли. И на второй день не собирались. Я сидела на крыльчке, заботливо зашторенном умелыми руками моего отца досками, сквозь щели между ними я вдруг увидела, как к нам направляются невеста с женихом, одетые уже не столь торжественно, как накануне. И тут я запаниковала, заметалась. Скрылась в сених, затем ринулась в комнату и прилегла на кровать.

— Я что-то неважно себя чувствую, — сказала я Нинке, как бы оправдывая то, что проигнорировала второй день торжества, наивно полагая, что она пришла специально за мной. Могла бы и не стараться. Как оказалось, накануне, когда прятались от жениха, они что-то тут обростили. Нужную вещь им вернула протрезвевшая мама.

— Приходи, — сухо бросила Нинка.

— Ладно, — неуверенно пообещала я. — Только к бабушке зайду, она просила, — попыталась всё же оттянуть время.

Делать было нечего. Я снова надела своё широкое шёлковое платье в весёлый цветочек на розовом поле, которое, кстати, мне необыкновенно шло, и мы отправились к бабушке, огибая длинный Нинкин огород. И по узкой тропинке крутого склона, поросшего хвойными деревьями, среди которых терялось несколько заневестившихся берёз, мы отправились к бабе Тасе, папиной маме, с моей лёгкой руки всеми

внуками называемой мамой старенькой.

Дом, в котором жили бабушка и дедушка, притулился на правой стороне склона, огород — от крыльца направо — резко спускался вниз, распластывался соток на пятнадцать. На небольшом участке возле забора росли бахчи, огурцы, помидоры, остальное пространство занимал картофель; прополотый и окученный, он цвёл пышным цветом. Справа, у дальнего забора, спела малина, ближе к дому дедушка выкопал погребок, и сейчас баба Тася оттуда поднималась нам навстречу с трёхлитровой банкой набранных и засоленных ею груздей.

Выражение лица бабушки, мамки старенькой, навсегда врезалось мне в память. Её удивительное лицо, выражающее вечное удивление, как у ребёнка, только начинающего познавать мир! Она приветливо смотрела на нас снизу выцветшими от старости глазами, пряча за всегдашней улыбкой поблекших губ накопившуюся за годы труда усталость, на которую никогда не жаловалась.

— Галя! — удивлённо-радостно сказала она (букву «г» произносила мягко, по-украински). — Проходитя, проходитя!

Миша забрал у неё банку. Я обняла бабушку.

— Мы ненадолго, — сказала я. — Проведать. Нас на свадьбе ждут.

Баба Тася согласно помотала головой: понятно, понятно.

— А папа старенький где?

— В стайке прибирает.

Посидели на летней кухне совсем недолго. Попили молочка, от груздочков («поешья-поешья») с жареной картошкой отказались.

Кабы знать, что произойдёт вскоре, ни на какую свадьбу не пошла бы. Как же я позже жалела, что так мало времени провела в тот день с бабушкой! Что вообще мало была с ней, мало слушала, мало спрашивала.

Ложное чувство стыда и долга перед лучшей подругой детства подняло меня с места и отправило, вопреки желанию, на свадьбу. Там всюду уже сыпали мелочью. Наше появление никого не удивило и особо не обрадовало. Если бы мы не пришли, никто бы и не заметил. И невесте было не до нас.

Вскоре мы с Мишей отправились в Барнаул. Подходил высчитанный гинекологом срок рожать.

Не прошло и недели после нашего возвращения, когда на пороге комнаты в общежитии возник Коля Стародубов. По выражению его лица я поняла, что случилась беда. Меня словно током пронзило.

— Собирайтесь, — сказал глухим голосом Коля, — баба Тася умерла.

Накатившая горячая волна отхлынула от сердца. Абсурд какой-то. Ещё совсем недавно она вполне нормально чувствовала себя. Сильно болел дедушка — что-то с желудком.

Хотя держался молодцом. По-прежнему всё делал: и на огороде копался наравне с бабушкой, и со скотиной управлялся.

Эта первая в моей жизни смерть близкого человека больно ранила. И всё же... снаряд ударил не в самое яблочко, он лёг немного с краю. Там, в центре, на самом доньшке души или подсознания значились мама и папа, но больше всего я с малых лет боялась смерти другой бабушки — маминой мамы, мамы Кати. Она жила с нами, ради нас, и её я жалела больше всех. Это обстоятельство, как ни странно, несколько притупило боль от утраты бабы Таси, мамки старенькой.

Лёгкая смерть... Господь любил эту кроткую беззлобную женщину, со смирением принимавшую тяготы жизни, мою бабушку. Работящую и хлебосольную.

Дедушка купил мотоцикл, которым очень гордился. И они с бабушкой вдвоём поехали на сенокос. У них была своя деляна, как и у других жителей посёлка, в специально отведённом для сенокоса месте, километров, наверное, за десять от посёлка, возле речки Большухи. Баба Тася сидела сзади, крепко держась за ручку. Она радовалась, как ребёнок. Вот наконец-то и у них с дедом появился свой транспорт, и они, не дожидаясь автобуса, могут самостоятельно добраться до своей деляны.

Далеко от посёлка они уехать не успели. Сворачивая на обочину от встречной машины, дедушка не справился с управлением (так позже написали в районной газете), мотоцикл подпрыгнул, бабушка не удержалась и упала. Головой

она ударилась о какой-то пенёк. Мгновенная смерть.

Нелепая смерть... Трагическая случайность, уберёгшая бабушку от переживаний за весь наш проклятый кем-то род, на который обрушились следом несчастья одно за другим.

Но жизнь продолжалась. Жизнь с её печальями и радостями, жизнь, которую досталось нести на своих плечах обломкам нашего рода, в том числе и мне.

Народу на похоронах было много, и все поминали бабу Тасю добрым словом.

— Ты не ходи на могилки, — сказала мне мама, когда мы прошли половину пути. — Беременным нельзя.

Я, как всегда из вредности, не хотела следовать маминому совету. Уж не знаю почему, но мне казалось стыдным вернуться с полдороги. Я считала своим долгом проводить бабушку в последний путь.

— Валь, ну скажи ты ей, — обратилась мама к Вале Зуевой, папиной двоюродной сестре, — нельзя туда беременным, может случиться беда.

Валя поддержала маму, категорически заявив, чтобы я возвращалась домой. Вторая моя бабушка приотстала со мной, мы повернули обратно, к дому, куда вскоре потянулись люди после похорон для помина души усопшей.

Глава 5. Доченька

С самого утра четвёртого августа мне что-то занедужилось. Резкая боль схватывала внизу живота с обоих боков, потом отпускала, но через какое-то время снова возвращалась. Интервалы между схватками становились всё короче.

Миша позвонил своему начальнику и отпросился у него, объяснив ситуацию. Реакция со стороны шефа и всего коллектива была понимающая.

Миша остался дома. Мы лежали на параллельных кроватях в пятиметровой комнатке.

Я прислушивалась к своему телу, но ничего определённого оно мне не говорило. Когда боль затихла на полчаса, предположения относительно того, что уже началось, показались преждевременными.

Открыв томик Цветаевой, я попыталась сосредоточиться на причудливом узоре, сотканном поэтессой из слов. Проникнуться поэзией не удавалось.

Миша откровенно дремал.

Глядя на выразительные черты его лица, я думала о том, что хочу, чтобы ребёнок походил на него, был таким же красивым.

Под моим взглядом Миша встрепенулся:

— Как ты?..

— Нормально.

С нижнего этажа, уже в который раз, прибежала жена Мишиного коллеги Сани Тракалюка. Она родила месяц назад и всё про это знала. Она спросила, отошли ли воды. Я понятия не имела о том, как они отходят, но если бы отошли, я, наверное, поняла бы. Справившись о моём самочувствии, она убежала к своей малышке, посоветовав напоследок сразу вызывать скорую, если схватки станут сильными и начнут отходить эти самые воды.

День медленно угасал. Вечер стоял на пороге. Схватки стали частыми, но по-прежнему были слабыми. Воды не отходили.

В десять часов мы всё же решили на ночь дома не оставаться, вызвали скорую помощь. Пока ожидали, минут двадцать, я на всякий случай собрала приготовленные вещи, раскрутила бигуди, торчавшие на моей голове весь день. Длинные волосы нежными локонами заструились вниз, щекоча лицо.

Тут и скорая подроспела. Доктор, молодой мужчина, выпроводил из комнаты моего мужа и, осмотрев меня, предложил собираться.

Роддом располагался неподалёку от общежития, через пять минут мы были уже около здания. Город укрывали сгустившиеся сумерки. Мишу со мной не пустили. Он обнял меня, торопливо поцеловал и сказал в волнении что-то ободряющее.

Я пошла. А он остался у ворот, по ту сторону решётки. Я

оглянулась. И вдруг ощутила такое вселенское одиночество, будто рядом не было никого.

Дальше всё происходило как во сне. Длинный коридор, яркий свет, женщина в белом халате. Клизма. Палата, в которой оказалась ещё одна роженица. И только после того как меня повели в смотровую и я увидела моего врача, Марину Сергеевну, у которой состояла на учёте в гинекологии (на моё счастье, в эту ночь именно она дежурила в роддоме), ощущение сиротства незаметно испарилось.

Марина Сергеевна вскрыла мне водяной пузырь специальными ножницами (мне так показалось, возможно это был какой-то другой медицинский инструмент), из меня выплеснулось довольно большое количество воды. Затем она велела медсестре поставить мне сокращающий укол, после чего меня отправили обратно в предродовую палату, где за это время, на удивление, скопилось большое количество беременных женщин, что уже как-то подбадривало и избавляло от одиночества, не зря, видно, говорят, что на миру и смерть красна.

Боль сильная, но терпимая накатывала на меня, подобно волнам, казалось, с небольшими интервалами. Эти волны были стабильными, однако более ничего не происходило. Глубокой ночи на смену спешило утро. В пятом часу Марина Сергеевна вновь увела меня к себе. После осмотра сказала, что у меня пониженный тонус матки, и распорядилась ввести мне в вену хлористый укол. Медленно входящее в ме-

ня вещество, казалось, раскаляет кровь до точки кипения. Жар хлынул в сердце, затем ударил в голову и опустился в низ живота. Мне тут же захотелось в туалет, и я добрела до него. Дальше всё происходило стремительно, время спрессовалось до мизерных размеров, тогда как до этого оно тянулось целый год. Едва я успела добраться до своей палаты, меня настигла такая боль, от которой хотелось выть. Боль, отступив, яростно навалилась с новой силой. Боль внизу живота была столь нестерпима, что, лёжа на спине, я схватилась руками за железные прутья спинки кровати и взвыла, а мой организм сделал самостоятельную попытку выдавить невыносимую боль из себя. Это казалось спасением. Как только боль подступала, мы (я и моё тело) непроизвольно начинали на неё давить изнутри.

— Подойдите к нам, пожалуйста, — закричала, высунувшись в коридор, моя соседка по койке. — У женщины потуги начались.

Медсестра провела меня в родильную и помогла вскарабкаться на кресло. Я была беспомощна в своём доверии. Надо мной склонились лица Марины Сергеевны, ещё одного врача, медсестры. Ангелы в белых халатах! Они были приветливо напряжены. Со мной обращались как с маленькой.

«Тужься... не тужься», — доходили до моего сознания слова, все остальные звуки были отключены.

Я помнила лишь одно: команды врачей я должна выполнять чётко, чтобы ребёнок правильно прошёл по родовым

путям. Я старалась изо всех сил, хотя от боли уже плохо соображала. Рядом со мной на параллельное кресло положили ещё одну роженицу, у неё тоже были потуги.

— Уже второй раз рожаешь, терпи, — довольно грубо прикрикнула на неё медсестра.

Не знаю, чем было продиктовано такое внимательное и ласковое обращение со мной. Тем ли, что рожала первенца? Или моё состояние внушало им опасения за здоровье моё и малыша? А может, вызывал чувство сострадания мой внешний вид: тело подростка и хрупкие черты лица, за нежностью скрывающие мой настоящий возраст. И правда, на вид мне можно было дать не больше шестнадцати, а на самом деле было уже двадцать четыре года.

— Потерпи, потерпи, миленькая, — уговаривали врачи.
— Ещё немного. Тужься-а!

Мягкое, тёплое, нежное коснулось внутренней стороны бёдер. Надёжные руки подхватили младенца. Перерезали пуповину. Шлёпнули по попе. Раздался жалобный плач, окативший волной нежности.

— Девочка!

— Как девочка?!

По всем приметам должен был родиться мальчик. Девочка. Ура, дочка!

Когда вышел послед (детское место), живот опал и боль окончательно отпустила. Меня переложили на каталку и вывезли куда-то в дальний тихий закуток коридора. Сестричка

положила мне на живот грелку со льдом и исчезла, не сказав ни слова. А я осталась. Со своим счастьем, нежностью, мыслями.

Я благодарила судьбу за то маленькое чудо, что было подарено мне. Неужели это я дала жизнь новому человеку? Тихая нежность переполняла мою душу через край, приятное волнение, удивление перед чудом природы не покидало меня до самого рассвета. Я не спала, мне так хотелось увидеть это маленькое продолжение меня, плод нашей любви!

Ко мне долго никто не подходил, каталка так и стояла одиноко у стенки узкого коридора. Понятное дело, и врачам, и акушеркам было не до меня, столько женщин собралось рожать именно в этот день: пятое августа.

Про меня вспомнили, когда совсем рассвело и утро незаметно растворилось в свете дня. Медсестра прикатила каталку в палату и сгрузила меня на свободную кровать, при этом из меня хлынул поток крови, испачкав белые простыни и на полу оставив следы, что не вызвало, конечно, восторга у медперсонала. Хотя дело-то житейское.

Ближе к обеду пришёл детский врач — красивая девушка, тонкие черты её лица оттенял белый накрахмаленный колпак, стройную фигуру облагораживал белоснежный аккуратный халатик. Она начала рассказывать нам, молодым мамам (а нас было шестеро в палате), как надо вести себя с младенцем, как за ним ухаживать.

После первых же её слов меня просто вырубил, ведь я не

сомкнула глаз с предыдущей ночи. Сказались переживания прошлого дня, ночные муки, роды, радостное послеродовое возбуждение. Естественно, я не слышала рекомендаций педиатра, и позже мне пришлось приставать с расспросами к подругам по счастью.

Моим соседкам привозили деток для кормления, а мне не полагалось из-за перенесённой в девятом классе болезни Боткина, желтухи проще говоря. Мамочки кормили своих младенцев, а я сгорала от жалости к себе, от нетерпения. Ожидание показалось долгим. Наша педиатр, добрая душа, принесла доченьку в палату и показала на расстоянии, я не имела права не только взять её на руки, но и приблизиться к ней.

Боже! Какая она красивая! Таких младенцев я никогда в своей жизни ни до, ни после не видела. Довольно длинные (вот отчего мучила меня изжога!) чёрные (!) волосы оттеняли спокойное нежно-бледного оттенка лицо, прикрытое, как покрывалом, длинными ресницами. Она лежала, словно мраморное изваяние или фарфоровая кукла, а не живой человек.

Лишь на третьи сутки встретились мы с дочкой. Всю нерастратченную нежность я выплеснула на неё во время первого и последующих кормлений. Слова, как поток сознания, лились из моих уст. Ласточка моя, любимая! Девочка моя, солнышко лучистое, ненаглядная красавица... счастье моё долгожданное! Как хорошо, что ты пришла к нам.

Как только я приложила дочку к груди, она с закрытыми глазами прелестными своими губками сразу схватила сосок и не выпускала его все тридцать, положенных для кормления, минут, активно пытаясь добыть оттуда молочко, после чего соски потрескались, и мне пришлось смазывать их зелёнкой и какой-то мазью. Боль была нестерпимая при повторном кормлении, что не убавило моей любви, я совсем не сердилась на это крохотное создание.

На бирке, привязанной бинтиком к крохотной ручке, стоял вес: 3 кг 200 г, рост... не помню, вроде бы 64 см и время рождения — это было в 5 часов и сколько-то минут: от 20 до 35 — в этом промежутке.

Из окна второго этажа роддома я показала дочку Мише. Он сильно волновался, на лице его блуждала улыбка счастья. Мы решили назвать девочку Надей, имя показалось мне симпатичным, после того как я года три назад пообщалась с милой девушкой, носящей его. Собственно, это было моё предложение, которое мы особо не обсуждали, поскольку окружающие пророчили нам мальчика.

В очередной раз Миша пришёл на свидание не один, а с братом Колей, который за год заметно вытянулся. Они пришли прямо из магазина и держали в руках покупки: детскую ванну и стёганое одеяло. Миша поднял правую руку вверх, показывая свидетельство о рождении.

— Вот, зарегистрировал!

— Как назвал? — спросила я осторожно.

— Фёкла.

Наверное, на моём лице отразилась вся гамма негативных эмоций, потому что Миша поспешно добавил:

— Да Надя, Надя же. Надюха.

На седьмой день моих соседок выписали домой, а мне сообщили, что матка у меня плохо сокращается, и перевели на нижний этаж, вновь отняв у меня дочь, ввергнув меня тем самым в страшную депрессию. После обследования мне назначили сокращающие уколы, но никакого толку не было. И тогда гинеколог, очень похожая на телеведущую программы «Здоровье» Белянчикову, решила на операцию. По тому, как она волновалась, и тому, что рядом было два помощника: медсестра и ещё один врач, я поняла, что дело серьёзное и может кончиться плохо.

Чистила Софья Ивановна меня без анестезии, было очень больно. Она возилась со мной долго, осторожно продвигаясь по внутренней полости матки, много вытащила кусков, прикипевших намертво.

Напряжение спало, когда моя спасительница убрала свой инструмент и улыбнулась.

— Ты, девонька, в рубашке родилась, — сказала помощница врача. И тоже глубоко выдохнула.

Благодарность докторам барнаульского роддома живёт в моём сердце всю жизнь.

Выписали нас на двенадцатый день.

Миша бережно нёс наше маленькое сокровище, завёрну-

тое в летнее байковое одеяльце в белоснежном пододеяльнике. Было солнечно и тепло. Ласковый летний ветерок дул нам в лицо. Солнце уже катилось с небес, уходя на запад, близился вечер. Обычно выписывают с утра, но поздно пришли результаты анализов, и нас хотели оставить до завтра. Однако я настояла, чтобы отпустили сегодня.

За время путешествия на папиных руках от роддома до общежития наша дочка не проявила никакого беспокойства — безмятежно спала. Не проснулась она и в нашей маленькой уютной комнатке и даже впервые не взяла грудь, чего никогда не было, видно, медсёстры перед выпиской хорошо накормили её смесью.

Нашу дочку, самую дорогую и любимую, мы положили на узкую кровать и долго любовались ею. Миша не мог оторвать от неё глаз, дивился необычной для младенца красотой.

— У неё губы твои, — сказал он. — Она красивая, как ты.

— Нет, она похожа на тебя, — возразила я, загадочно улыбаясь, потому что так загадала, это было моей маленькой тайной.

— Нет, на тебя...

Мы не могли налюбоваться дочкой. Я взяла её на руки и дала ей грудь. Она не очень активно покушала с закрытыми глазами. Мы положили её на прежнее место и легли сами — на параллельно стоящую кровать. Но уснуть не могли. Дочка, туго затянутая пелёнками, лежала, словно кокон гусеницы, не шелохнувшись. И казалось, даже не дышала.

Всю ночь мы практически не сомкнули глаз, лишь только задремав ненадолго, вновь и вновь по очереди соскакивали с постели, подходили к ней, всматривались в безмятежное выражение лица нашей крохи, вслушивались, стараясь уловить едва заметное, как шелест лепестков, дыхание. Дышит! Мы уже стали беспокоиться, вдруг что-нибудь с ребёнком не так.

Утром она проснулась. Увидев нас, улыбнулась! Потом стала проявлять беспокойство, сморщила носик, искривила капризно рот. Маленькая принцесса.

Её надо перепеленать, догадались мы. Точно! Она не только описалась, в подгузнике обнаружилась светлая желтоватая кашица без всякого запаха. Мы не знали, с какого бока подойти к дочке. Она была такая хрупкая, что я боялась неточными действиями навредить ей. Миша выглядел более уверенным. Он повернул малышку на бок, вытащил из-под неё хлопчатобумажный подгузник и вытер попку. Кожа у нашей малышки бледная, нежная.

— Голубых кровей наша дочка, — сказал Миша, нежно проводя пальцем по Надюшиной ручке. — Как ты.

— Приучайте ребёнка к сквознякам, — тоном, не терпящим возражений, сказала детский врач.

Она пришла из поликлиники ближе к обеду. Высокая, крепко сложенная женщина с крупными, выразительными чертами лица, она ловко управлялась с младенцем, крутя и вертя его во все стороны, уложив на столе, стоящем прямо

у окна при открытой форточке и дверях. Ветер гулял нешуточный. А я даже форточку боялась открыть.

— Чем больше будете кутать, тем чаще будет болеть, — резюмировала врач, окончив осмотр, которым все остались довольны.

Она дала много рекомендаций, показала, как проводить гимнастику с ребёнком, объяснила, как бороться с опрелостями, когда и сколько раз нужно купать младенца.

— И не бойтесь вы её так, мамаша, ведь она не фарфоровая, а самая обычная, как все люди, — посоветовала напоследок она и ушла.

Мы вскипятили воду в большой кастрюле на общей кухне, налили её в детскую ванну, разбавив до нужной температуры, сделали слабый раствор марганцовки. Миша медленно погружал в воду сбитое тельце, уютно уместившееся в его ладонях. Девочке нашей купание нравилось, она дрыгала ручками и ножками, ворковала от удовольствия и, казалось, удивлённо прислушивалась к своим ощущениям.

— Агу, агушечки, маленьки девчушечки, — разговаривали мы с малышкой самыми нежными голосами, подбирая ласковые слова.

Первое купание с горем пополам осилили.

Мишины родители раньше, чем мои, увидели Надю, приехав к нам на выходной. Они были взволнованно-радостны.

Ещё бы, первая внучка! Бабушке едва ли было тогда сорок пять! Она уверенно справлялась с внучкой. Пеленала, нянчила. Поздно вечером Миша проводил их на двенадцатичасовой поезд, в понедельник им надо было на работу.

А через неделю наше семейство отправилось к ним в село, на свежий воздух! Наде не было и трёх недель от роду. Вагон раскачивало из стороны в сторону и слегка потряхивало. Вопреки нашим опасениям, малышка перенесла дорогу хорошо. От разъезда и вовсе добирались на мотоцикле: Мишин дядя, Иван Васильевич, приехал нас встречать. Я с ребёнком сидела в люльке, прикрывая её от ветра брезентовой накидкой, и страшно переживала, но всё обошлось.

Родители истопили баньку. Мы напарились. Надю мыли в зале, баба Шура упростила задачу: наложила в ванну пелёнок, на них определила малышку, и мы втроём купали её, слегка придерживая. Вечером пришли на смотрины родственников. Посидели за накрытым деревенскими разносолами столом, как всегда, с шутками-прибаутками.

Мише надо было на работу, и в понедельник он уехал в Барнаул, а на следующие выходные вновь примчался к нам, словно на крыльях. Уезжал с испорченным настроением. Дулся на меня очень. Снова вылез наружу его чудовищный эгоизм. Мы давно с ним не ссорились.

К моей маме, а значит, к себе домой, я добиралась на рейсовом автобусе — около 30 километров ухабистой дороги от

«защитки», куда нас довёз опять же дядя Ваня.

Мама, взяв на руки внучку, сдержанно улыбалась, папа тоже суетился рядом.

Мы лежали на старинной кровати с пружинами, ночью она прогибалась, и дочка скатывалась ко мне. Я чутко спала, если эту полудрёму можно назвать сном, боялась нечаянно придавить малышку. Просыпалась на каждое движение ресниц, хотя её сон как раз был безмятежным.

В середине следующего дня прибыли гости — сестрёнка Рая с коляской, в которой мирно посапывала её дочь, старше моей Нади на четыре месяца. Надю мы положили в коляску чуть выше Любани, а её немного стянули вниз — и отправились к деду Паше.

— Какая она у тебя умная, — сказала Рая. — И спокойная, не то что моя, кричит день и ночь. И неизвестно отчего.

Дедушка держался молодцом, хотя и чувствовал себя неважно. По дому всё потихоньку делал сам, даже корову доил, не доверял ни моим родителям, никому другому, брезговал молоком из чужих рук пить. И нам с Раей, предложившим свои услуги, корректно отказал. Дедушка эмоции свои прятал глубоко, но по его размягчённым морщинкам мы поняли, что наш визит ему приятен и правнучки дороги.

— Поедем к нам, — умоляла Рая. — Митька скоро с работы придёт, а я ничего не успела сварить.

— Подумаешь, проблема.

— Ты не знаешь... Я его боюсь.

Мне вспомнилось, как на свадьбе Рая приревновала муженька к Мишиной тётке и как грубо он вёл себя по отношению к Рае. И отказать ей не смогла. Уставшие, мы медленно брели с коляской на другой конец посёлка. И как раз на дороге возле дома встретились с её мужем. Митька не выразил никаких эмоций по поводу моего появления, хотя не виделись мы давно. Он был угрюмо молчалив. Даже по моей спине пробежал холодок.

Рая лепетала, объясняя, что мы только идём от бабушки, что она не успела приготовить ужин. Его угрюмость не уменьшилась ни на йоту.

Я не оставила её одну, тоже зашла в дом. С тех пор, когда была ещё жива тётя Шура, здесь ничего не изменилось. Она умерла зимой. Дочек рядом не было. Люба уже тогда жила в Новосибирске, Рая — в Боровлянке, мужа — дядю Толю — положили в больницу в плохом состоянии. Тётя Шура, оставшись одна и имея пристрастие к спиртным напиткам, не выдержала ситуации и добровольно ушла из жизни.

Витька не переставая ругался на Раю матом. Мне стало как-то не по себе. Я вышла на улицу с дочкой. Но и во дворе слышно было, как плакала Любаня. Витьку это не остановило. И даже уговоры вернувшегося с работы дяди Толи не помогли, Митька разорался не на шутку. Когда затих, я отправилась домой.

В конце сентября Миша перевёз меня с дочкой в Барнаул,

где нас ожидал приятный сюрприз. В общежитии нам выделили комнату, которая была чуть длиннее прежнего «пенала», и располагалась по другую сторону коридора. Миша перевёз туда вещи и мебель. Я по-детски радовалась расширению жилплощади.

Так началась моя жизнь в трёх ипостасях: матери, жены, студентки. Всё шло своим чередом, я старалась успевать всюду, догоняя и навёрстывая упущенное. До того самого момента, в конце октября. Когда Виталий Иванович перевернул столы и моё сознание. Когда я узнала про полёты учителя. И вспомнила про свои полёты. Мне снова захотелось летать. По-настоящему. Как учитель.

А 11 ноября, когда я по обычной схеме, через молочную кухню, неслась по коридору первого этажа института, опаздывая на репетицию, меня окликнул кто-то из старшекурсников:

— Галка! А ты знаешь, Брежнев умер...

— Как умер?! Не может быть!

Безумное паническое чувство охватило меня, будто сообщили о том, что за окном землетрясение. Меня буквально трясло, словно от озноба. Что же теперь будет? С нами?! Со страной?! Ведь Брежнев — залог стабильности. Такого потрясения я больше не испытала ни разу. Ни когда пришёл первый правитель, второй, ни даже когда произошёл переворот...

Часть 2.

Погружение

Глава 1. Ад

Мои дочери вели себя подозрительно тихо, будто несли на своих хрупких плечах груз какой-то вины. И отводили взгляд в сторону, когда я в поисках истины заглядывала им в глаза. По выражению их лиц я пыталась понять, помнят ли они, что я... летала. И было ли это всё с нами на самом деле или мне пригрезилось во сне, из тех, что наяву. Но девочки хранили молчание, а задать вопрос напрямую я не решалась, боясь потерять последнюю надежду на реальность полётов. И я решила дойти до самой сути самостоятельно, днём и ночью эту мысль думая. И чем больше я размышляла, чем глубже погружалась в свои мысли, тем больше запутывалась в лабиринтах серого вещества. Самым странным было то, что я совершенно не помнила, что же было после того, как я взмыла в небеса.

Ночами я вжималась в моего мужа, мне хотелось согреться.

— Скажи мне что-нибудь... тёплое, — просила я.

— Фуфайка, — неизменно откликался он, подтыкая за

моей спиной байковое одеяло и обвивая меня, как лианами, мягкими большими руками. Я смеялась неровно и скрипуче, удивляясь тому, куда подевался мой колокольчиковый смех. Мне становилось теплее. От заботы и участия.

Всю неделю — последние дни отпуска — я, выстраивая логическую цепочку, меж каждодневными делами бродила по закоулкам памяти, проживая заново свою прошлую жизнь.

* * *

На самом деле, то, что Виталий Иванович перевернул моё сознание, слишком громко сказано. Оно, сознание, конечно, перевернулось. Но внешне это никак не выражалось. Мой восторг, чужие и свои полёты — всё отодвинулось на неопределённый срок. Осветив на мгновение душу, ушло в подсознание, ибо мои помыслы захватила в плен жизнь с её повседневными заботами, с её бешеным ритмом, с непредвиденными обстоятельствами, которые испытывали металл на прочность. Некогда было остановиться и осмыслить день вчерашний, не было возможности заглянуть и в день грядущий. Значение имело только настоящее. Основное внимание и время — доченьке. Накормить, искупать, погулять, уложить спать. Ничего не существовало вокруг, весь мир замыкался на этом пухленьком прелестнейшем создании — Надюше. Она входила в этот мир через мою и Мишину неж-

ность, через наши улыбки, слова, прикосновения. Нежность эта в начале ноября была запечатлена стареньким фотоаппаратом на чёрно-белых снимках. Надюша на руках у Миши, у меня, у мамы, гостившей в то время у нас.

Миша стал задерживаться на работе и порой приходил домой слегка поддатый. Отмахивался от моих подозрений и претензий. Ну выпил немного, у коллеги день рождения, «проставился», не отрываться же от коллектива. То за работу отблагодарили спиртным, и они эту «благодарность» раскупили. Мне ещё предстояло испытать в полной мере издержки сантехнической профессии. Если завод дисциплинировал моего мужа, то ЖЭК разлагал его полностью. Силой воли Миша не обладал, разум у него дремал, воспитанный на традициях распития спиртных напитков отцом, дядей и другими деревенскими мужиками. И стержня в нём твёрдого не было. Так, колосок, куда ветер подует, туда и он.

Приезд к нам Мишиного брата Андрея из Сургута во второй половине ноября перевернул нашу жизнь на 180 градусов. Вот бы знать заранее, что несёт нам зло. Да укрыться от него. Зло подстерегает и захватывает врасплох, когда мы перед ним раскрыты нараспашку. Вот и гадай: совпадение или действительно с Андреем прибыла какая-то тёмная сила, которая обрушилась на нас, словно цунами?..

Они выпили, притом изрядно. Началось всё с того, что мой муж, когда я отвернулась на минутку, накормил Наденьку жареной картошкой. Она стала беспокойной, два раза у

неё был жидкий стул. И вдобавок поднялась температура: 37,4 градуса. Ерунда, могу сказать я с высоты прожитых лет. Но в то время даже небольшое отклонение от нормы казалось мне катастрофой. Я боялась, что с ребёнком что-нибудь случится. Была глубокая ночь. Наденька не спала, я качала её на руках и плакала. А мой муж и его брат, пьяные вдрыб-ган, бегали по общаге — догуливали вместе с офицерами и солдатами строительной воинской части, квартировавшими этажом ниже в нашем общежитии. Изредка муж прибегал и озабоченно спрашивал: «Ну, как вы?»

Вызвали скорую помощь. Доктор (или кто он там) был примерно нашего возраста (или чуть старше), маленького роста, плотный и очень злой. Он приказал: «Собирайтесь, поедem в инфекционку». На мои робкие возражения грубо отрезал: «Вы хотите, чтобы ребёнок умер?» Не ощущая поддержки со стороны мужа, я собралась.

Целую неделю мы лежали в инфекционной больнице. Анализы показали, что микробов у ребёнка нет. И температура спала. Вот только кал, нормализовавшийся на третьи сутки, вдруг снова стал жидковат. И нас не выпускали. Я поумнела позже. Если бы этот ум да в то время — я бы ни секунды не задержалась там, сбежала бы через сутки, и никто не посмел бы меня остановить. Но тогда... Моя робость и страх за жизнь ребёнка граничили с полным кретинизмом.

— У тебя дочка красавица, прямо куколка, — сказала мне молодая женщина из соседней палаты, проходившая мимо с

сыном на руках. — От неё глаз невозможно отвести, я всё время люблюсь. И такая спокойная, не то что мой — шило.

Над двухлетней девочкой в нашей палате сгрудились врачи, медсёстры, мать. У неё несколько часов держалась температура под 40 и никак не сбивалась. С малышки сняли всю одежду и яростно растирали хрупкое тельце разбавленным спиртом. (Данный эпизод на всю жизнь врезался в мою память, впоследствии я часто применяла спирт в борьбе с высокой температурой у детей.) Температура не падала. Девочку унесли в специально оборудованную комнату и положили под капельницу, её истощный плач нёсся по коридору и тревожно проникал за тонкие стены палат.

Дни и ночи толпились за окном, хаотично сменяя друг друга, сливаясь в одну сплошную серую массу. И даже неожиданный приход однокурсниц Саши Кучеренко и Веры Трифоновой, которые с трудом нас разыскали и принесли передачку, не мог вывести меня из аморфного состояния безнадёги. Единственное, чего мне хотелось, — выбраться отсюда. Но врач на обходе сказал — рановато. И дал категорический совет: кормить грудью.

— У меня же совсем мало молока, — резонно возразила я.

На что он ответил:

— Чаще будете давать грудь, больше будет молока.

А ведь у коровы так же, мелькнула запоздалая мысль. Я последовала совету доктора — и действительно, молоко с

каждым разом прибывало. Теперь я кормила дочку исключительно грудью.

После утреннего обхода в палату, словно фурии, ворвались две медсестры. Сказали, что моему ребёнку назначили капельницу.

— Зачем капельницу?! — не поняла я. — У нас всё в порядке.

— Было бы в порядке, не назначили бы. У вас стул жидкий, — грубо отрезала одна.

— Вы что, мамаша, враг своему ребёнку?! — подключилась другая. — Сколько лежите тут, а лучше не становится.

— Давайте её сюда, — перешла в атаку первая. Вторая отеснила меня от кровати, быстро взяла в руки Надю и стремительно вышла в коридор. Её коллега, шагнув следом, перегородила мне доступ к дочке.

Я побежала к врачу.

— Ну что вы переживаете? — пытался он успокоить меня. — Ничего страшного в этом нет. Капельница вашему ребёнку только на благо пойдёт.

Я слышала, как сильно, душераздирающе ревела Надюша... Её вернули примерно через полчаса. Я прижала дочку к себе и так, с ней на руках, ходила по палате и пыталась её успокоить. Когда она затихла, я положила её на кровать. Через какое-то время медсёстры снова появились на пороге. Оказывается, в то время, когда они занимались моим ребёнком, прибыла бригада медработников, чтобы забрать «тяжё-

лого» маленького пациента. Поэтому они прекратили пытку моей дочери и сейчас хотели вернуться к прерванным действиям. Необъяснимая жестокость.

— Не дам! — произнесла я сорвавшимся голосом, прикрывая дочку своим телом.

Грубо оттолкнув меня, они схватили мою девочку и помчались по коридору, я бежала следом за ними. Дверь захлопнулась перед моим носом. Дочка плакала внутри, а я подвывала под дверь. Меня впустили, когда капельница была уже подключена. Наденька лежала с закрытыми глазами. Иголка, торчавшая из крохотной ручки с отходящей от неё трубкой, через которую поступало в вену лекарство, была закреплена лейкопластырем. Я держала доченьку за руку, гладила бархатную кожу пальцем и, стараясь согреть её теплом своего сердца, говорила о том, как сильно люблю её, и обещала никогда больше не давать в обиду. Она периодически вздрагивала, жалобно всхлипывала и начинала тоненько плакать. В этом плаче — жалоба и обида...

О том, что происходит за закрытой дверью, я узнала от соседок по палате позже. Обычно малышам вводят иглу в вену на голове, а для того чтобы вены были видны, детей держат за ноги вниз головой. Вены набухают и от неестественного положения, и от сильного плача. С моей доченькой проделывали то же самое. И всё равно не получилось. И тогда они воткнули иглу в ручку.

— Забери нас отсюда, — решительно сказала я мужу, ко-

гда он пришёл.

Вечером следующего дня мы были дома. Наутро прибежала наш участковый врач.

— Что же вы согласились ехать в больницу, там могли какую-нибудь заразу подцепить, — посетовала она, выслушав мой рассказ. — А ребёнок-то абсолютно здоров. Надо было дожидаться утра и вызвать меня. Мы восстановили бы стул, и все дела.

Больше недели была я с Наденькой на больничном. После капельницы её словно подменили. Нервная, плаксивая, вздрагивающая от малейшего шума, она буквально не слезала с рук, сон её был непродолжительным и тревожным. Миша клал её себе на живот — спиной на полусогнутые ноги — и раскачивался на сетке железной кровати, растягивая гласную «а» на все лады: а-аа-аа-аа, а-а-а-а-а-а... Дочка успокаивалась, прикрыв глаза длинными ресницами, но как только Миша, задремав, прекращал её баюкать, она снова плакала. И всё начиналось сначала.

С грехом пополам я бегала сдавать зачёты. До наступления Нового года оставались считанные дни. Колесовы пригласили нас отпраздновать Новый год вместе, чему мы были рады.

Поздним вечером 30 декабря из деревни неожиданно приехали мама и Рая с мужем и дочкой — крепенькой, но плаксивой Любаней; обуви на ней не было, только шерстяные

носки и шаль, которой Рая укутывала ей ноги на улице. Девчушка сильно кашляла.

Я пожарила картошку, сделала салат из капусты. Мама привезла солонину и сало. Миша купил бутылку водки, и у них с собой, оказывается, был самогон. Словом, им хватило. Пьяненькие были все. Раин муж начал барагозить, кидаться на Раю с кулаками, Миша едва успевал его останавливать. Мои замечания, как и мамины, Митька вообще игнорировал. Я впервые увидела Раиного муженька, что называется, во всей красе. Зрелище крайне неприятное.

Наутро похмелились. На другой бок. Пьяные вопли продолжались до самого вечера. Вечером незваные гости собирались ехать в деревню, к Раиной родне по материнской линии. Я уговаривала маму остаться, Рая умоляла отпустить её с ними.

— Я боюсь с ним ехать одна, — шепнула она, улучив минутку.

Полное опустошение наступило, когда шумная компания отбыла на вокзал. В 9 часов вечера. Сил не было никаких. Вообще не хотелось двигаться. И всё же собрались, поехали к Колесовым.

Стол был накрыт. Праздничный ужин готовил Василий, а Людмила только-только вернулась с работы. Она посетовала по поводу нашего позднего приезда, надеялась, что помогу с готовкой. Но так уж получилось, мы рассказали о визите родственников.

Последние приготовления закончены. Дети Колесовых были ещё малы, их покормили и уложили в спальне. Наденька спала на кровати в детской, мы с Мишей по очереди бежали её проведать. Оставалось несколько минут до боя курантов, когда мы сели за стол.

В двенадцать часов подняли бокалы за Новый 1983 год! Я сделала глоток шампанского. Мы не успели ещё поесть, если не считать пару вилок салата, как Люда потащила моего мужа танцевать. И это вдруг показалось мне обидным. Я сама очень любила под медленную мелодию двигаться в ритме танго в Мишиных объятиях. Обида просто захлестнула меня. Я взяла стопку водки и, чокнувшись с Василием, опрокинула её в себя. Когда за стол вернулись Людмила с моим мужем и были наполнены стопки, я выпила ещё одну, не закусывая. Муж смотрел на меня во все глаза. Но когда я плохо координируемыми движениями потянулась за третьей стопкой, муж категорически сказал:

— Хватит!

И оттолкнул мою руку. Я привстала со своего места и начала бить его по голове. А потом каким-то образом оказалась на кухне. Я упиралась спиной в стену, а надо мною нависал муж, создавший для меня боковые перегородки из своих сильных рук.

— За что? Нет, ну за что? — допытывался он.

Я видела его мутные плавающие глаза перед собой, а потом сознание моё проваливалось и я провисала на его руках

— то влево, то вправо. Он ставил меня на место, в исходное положение, и снова задавал свой вопрос. Не знаю, как долго это продолжалось, но в какой-то момент муж догадался, что я пьяна. И не просто пьяна, а совсем пьяна. О! Он был до-кой в таких вещах. Он потащил меня в туалет. И там меня вырвало в унитаз. Дальше я вообще ничего не помнила до тех самых пор, как проснулась среди бела дня, когда все уже бодрствовали. И моя дочка тоже. Оказывается, за ней при-сматривал Миша. Он был необыкновенно ласков со мной.

— Опохмелишься? — протянул он мне стопку.

— Уйди, — сказала я, скривившись.

От одного вида спиртного меня мутило, я готова была снова бежать в туалет. Мне было стыдно за своё поведение, но в душе я оправдывала себя тем, что этот нервный срыв случился в результате пережитого накануне жуткого напря-жения.

Глава 2. Боль

На душе скребли кошки. Зимнюю сессию сдала неровно. Оказывается, это больно, когда круглая отличница скатывается со своего пьедестала. Бьёт по самолюбию. Такая неожиданная зависимость от оценок раздражала, но ещё больше не давало покоя то, что не могла справиться с этим.

После небольших каникул — двухмесячная практика в учреждениях культуры края. Я проходила её в городе — в Доме культуры котельщиков, где появлялась редко. Часто болела дочка. И всё-таки практику мне зачли. Спасибо директору ДК, он не пошёл на принцип, понял ситуацию правильно и характеристику написал хорошую.

После Нового года мы привезли к себе бабушку Катю. За свою долгую жизнь она никуда не выезжала из деревни и смотрела из окон такси с огромным удивлением на толпы людей, на многоэтажные панельные дома, на трамваи и троллейбусы. Приезд в город стал для неё стрессом.

Мы разделили комнату шторами на две половины, в одной — наша с Мишей спальня, здесь же находилась и детская кроватка, в которой спала Надя. В другой напротив друг друга стояли бабушкина кровать и кухонный стол, покрытый голубой клеёнкой. А в так называемой прихожей, отгороженной вместе со встроенными казёнными шкафами и входной дверью ещё одной занавеской в синий квадрат, мы ставили

на ночь ведро, чтобы не бегать в туалет на второй этаж. Однако бабушка блуждала и среди бела дня, не в силах справиться с лабиринтами лестничных пролётов, этажей и множеством комнат слева и справа, нагло и криво смеющихся тусклыми цифрами. До туалета бабушку провожала я.

Она, конечно, помогла мне в определённом смысле. Ненадолго, но всё же я оставляла с ней Надюшу и сумела подтянуть кое-какие хвосты, но, по правде сказать, толку от бабушки было мало. К тому же она редко выходила на улицу, и её и так чрезмерно неустойчивое давление давало о себе знать в этих четырёх душных стенах. Приехала мама и увезла её домой.

Происшедшее сразу после 8 марта трагическое событие стёрло из памяти всё, что было до него. Я даже не помню, что подарил мне Миша на Международный женский день. Он пришёл с работы с таким лицом, что я, сразу заподозрив неладное, присела на кровать.

— Галка, ты только не волнуйся...

— Что, что, что?.. Что-нибудь случилось? — торопила я его, вытягивая из затянувшейся паузы. Сердце моё сжалось от предчувствия.

— Только не волнуйся, пожалуйста...

Такая прелюдия ничего доброго не предвещала.

— Рая умерла.

— Как — умерла?! Не может этого быть!..

— Её Митька... убил.

— Неправда-а-а-а!!! С чего ты взял?!

— Мне Коля Стародубов рассказал.

— Это какая-то ошибка. Поехали к нему!

Чудовищное, непоправимое, случайное... оказалось правдой.

Коля подтвердил.

— Может, это ошибка?! Может, она жива?!

Надеясь на чудо, я всё ещё не хотела верить очевидному.

— Галя, я сам там был. Мы её похоронили.

Коля рассказал. Трагедия случилась на свадьбе троюродной нашей сестры Гали Руденко, в посёлке. Рая сбежала от Митьки в Демитротитово. А на свадьбу приехала, оставив маленькую Любашу на бабу Дуню. Не могла не приехать, такой она человек — с открытой душой ко всем родственникам. Митьку тоже пригласили. В разгаре свадьбы пьяный Митька позвал её домой. Зачем она пошла?! На этот вопрос никто не мог ответить. Уже на середине пути, с самой горы, он тащил её волоком. Остались следы на песке. Рая кричала. Видимо, этот крик и услышала одна женщина, жившая неподалёку. Она прибежала на свадьбу.

— Там вашу Раю... убивают.

Подгулявший народ ринулся в ту сторону посёлка. Но опоздали... На Рае живого места не было: всё тело истыкано ножом. Разъярённая толпа готова была разорвать убийцу на месте. Но до приезда милиции Коля и Гена Стародубовы не давали свершиться самосуду, сдерживали напор негодую-

щих как могли.

— Зачем вы их остановили?! — сказала я, дрожа от гнева.

— Знаешь, Галя, обязательно нашли бы крайних, а зачем лишние жертвы. Он и так своё получит. Он ведь бывший мент, его в тюрьме забывают.

Митьке дали десять лет колонии строгого режима. Оттуда он вышел полной развалиной с отбитыми внутренностями. Сдох, не протянув и года. Возмездие настигло негодяя.

* * *

Март стоял промозглый, безуспешно кутаясь в весенний шарф, с нетерпением поджидал своего братишку — апреля. Коварный колючий ветер подкараулил Надюшу. У неё поднялась высокая температура. Я вызвала врача. Попросила Мишу прийти с работы раньше и купить лекарства для дочки.

Маленькая стрелка медленно сползала вниз, отмеряя каждый час, а он всё не шёл. Я нервничала и терзалась. И вынуждена была просить об одолжении соседку, симпатичную крупную девушку лет семнадцати, задоблив её двумя банками пастеризованного молока, растерзав недавно присланную посылку с северов от Мишиных родителей.

В северный город Сургут их перетянул следом за собой Андрей. Он уехал туда почти на год раньше — друг вызов сделал. А засобирались они ещё в сентябре, когда мы с

дочкой гостили у них. Потихоньку распродавали ненужный скарб, избавлялись от живности. Особенно тяжело расставалась свекровь с бурёнкой.

Вообще, смелый, конечно, поступок. Почти в полтинник сорваться с насиженного места, бросить добротную трёхкомнатную с большой кухней квартиру и мчаться неведомо куда, в неустроенность и неуют, в холодный край. Зачем поехали? Ну уж точно не за романтикой. Деньгами, что ли, прельстились, по уверениям среднего сына немалыми? Тоже как-то неоправданно.

Много позже мать рассказывала, как чуть не сбежали, оказавшись, по её выражению, на кочке. Ни кола ни двора. Первое время жили у сына в мостоотряде, где тот со своей семьёй ютился в однокомнатной квартире. Потом им предложили комнату в общежитии. Вот тут-то и распахивался отец. «Поехали, Санька, отсюда!» И уехали бы. Остались лишь потому, что им вовремя предложили отдельный жилой вагончик (с отоплением, с кухней), где они стали обустраиваться, наводить уют. Нашлась и работа для обоих: свёкра электриком взяли в мостоотряд, от которого и получил жильё в виде вагончика, а свекровь — в школьную столовую подсобной работницей.

...Когда муж появился на пороге, я с ходу, со всего маху влепила звонкую пощёчину по его пьяной безответственной морде, вкладывая туда свои переживания, боль, отчаяние,

страхи, опасения.

Он ответил сразу же. Удар был такой силы, что я упала, потеряв сознание.

Это был первый урок, который я запомнила на всю жизнь. И никогда больше не поднимала руку на мужа.

Глава 3. Размолвка, или Второй урок

Весна выдалась ранняя. Апрельское солнышко ласково пригревало, растопляя снега. Придорожные сугробы в городе как-то враз сникли, посерели и незаметно сошли на нет, совсем не как в сельской местности, где снег хрустит, наряжается в хрупкие кружева и поблёскивает волшебными замками в потоке весёлых солнечных лучей, резвящихся на нежном великолепии подсинённого зимнего покрывала, медленно и звонко растекающегося ручьями.

С Надюшей гуляли ежедневно, усаживая её в раскладную коляску. В зимнем в зелёную клетку пальто почти до пят, в коричневой шапочке машинной вязки и такого же цвета шарфике, в крошечных валенках она была такой трогательной, словно ангелочек из волшебной сказки.

В семь месяцев дочка уже ползала, но как-то странно — слегка подволакивая одну ножку. И это вызывало у меня беспокойство.

«Не выдумывай», — пресёк моё нытьё по этому поводу муж. Его поддержала тётка Зина, навестившая нас на выходных. Тётка отчитывала меня и мужа за то, что мы плохо кормим малышку.

— Что вы её голодом морите?! Ребёнку уже всё можно давать, — наставляла она.

Я и правда боялась сделать что-то не так; книжек о пра-

вильном детском питании не было, и подсказать было некому. Тётка прямо на улице во время прогулки сунула Надюшке корочку белого хлеба, та схватила её и стала жадно вгрызаться дёснами в хлебную твердь, размякающую под напором детской слюны.

Миша частенько возвращался с работы поздно и нетрезвый. По дому практически не помогал, с вечера заваливался в постель и храпел (в прямом смысле этого слова) до утра. А меня одолевала бессонница и страсть к чтению. Из местной библиотеки я таскала книги и читала их по ночам. Увлёклась зарубежной классикой. Прочла практически всего Теодора Драйзера, немного вспомнила Диккенса и впервые открыла для себя Ромена Роллана. Роман (в нескольких книгах) «Очарованная душа» потряс меня до глубины души.

Я размышляла о свободе, о выборе своего пути. И понимала, что я не свободна. Странное дело, но о полётах я тогда совершенно не думала, мысли мои были более чем приземлённы. Я и представить себе не могла, что буду жить с пьющим человеком. Всё моё существо на подсознательном уровне противилось такому положению вещей. Потому что я насмотрелась на своих родителей. Потому что сама никогда не пила. Я запретила себе это делать, инстинктивно чувствуя, что могу, как мама, скатиться в глубоко противную мне заповедь, из которой обратной дороги нет. Я чувствовала повышенную ответственность за своё прошлое, настоящее и будущее, за своих детей. Это мой крест, который я

сама взвалила на свои плечи.

Шли зачёты, надвигалась летняя сессия. Миша полетел к родителям в Сургут с десятимесячной дочкой на руках. К тому времени я уже совсем не кормила её грудью. Помимо кефира из молочной кухни, мы поили дочь из бутылочки жидкой манной кашей на коровьем молоке, отчего у неё через какое-то время образовалась на голове плотная корка. Аллергия!

Они вернулись дней через десять. Надюшка и полёт, и разлуку со мной перенесла спокойно.

— Она у нас общительная жутко, — сообщил Миша. — Весь самолёт был у неё в друзьях.

Несмотря на то что скучала очень по доченьке, пару зачётов я успела спокойно сдать за это время. По причине расхлябанного посещения лекций в течение года и минимума полученных знаний мне требовалась усиленная подготовка ко всем предстоящим испытаниям на знание пройденного материала. На мужа надеяться не приходилось. И не только из-за периодической выпивки. Работа есть работа, тем более при его ответственном к ней отношении и высшей степени совестливости. Что выпивал, не в счёт, — это ритуал, не им заведённый, которому он подчинился.

Дочку мы отвезли в деревню, рассудив, что, пока мама находится на работе, за ней присмотрит баба Катя. Она хоть и

старенькая, но с малышкой сумеет справиться.

Лето пришло как-то сразу, мощно обрушившись на наш край потоком солнечных лучей, торопившихся прогреть выстудившуюся за зиму и не успевшую отойти весной землю. Начало июня было многообещающим.

Я целыми днями пропадала в институте, домой возвращалась поздно вечером. Очень скучала по дочке. Переживала: как она там, без нас?! Даже Миша как-то присмирел. Еле дождавшись выходных, мы отправились к ней. В субботу на поезд не успевали, пришлось ехать в воскресенье утром. До райцентра — поездом, а оттуда до посёлка 46 километров на рейсовом автобусе. И... опоздали. Автобус вильнул хвостом буквально перед нами. Как же так?! Утренний поезд всегда успевал к этому рейсу... Что было делать?! Не возвращаться же обратно.

— Пойдём пешком, — предложила я.

Миша посмотрел на меня как на умалишённую, но согласился. Эта его готовность поддержать любую, даже самую сумасшедшую мою идею всегда подкупала меня.

Дорога повела нас вниз, затем по мосту через речку Большуху, оттуда — вверх, мимо ремзавода. Путь уже сейчас казался утомительным под стремительно выкатывающимся на ясное небо с востока солнцем, а ведь мы были ещё только на окраине районного посёлка. И шли не более получаса.

По правую сторону от трассы на самом пригорке перед огромным пустырём, скатывающимся зелёной травой вниз

по склону, к речке, раскинулся спальный район. Последняя, окраинная точка райцентра.

— Вон там, — махнула я рукой на один из дальних домов, хорошо просматривающихся на голом месте, — живут наши родственники, папина троюродная сестра, моя крёстная — лёля Рая, — сказала я мужу. — Знаешь, однажды летом я у них гостила. Вроде бы я в седьмой класс перешла или в восьмой. Тогда ещё её дочка, моя ровесница, Нина, была дома. И Витька, он постарше моего брата, тоже жил с матерью. Они уже разъехались кто куда. Нина замуж сразу после школы вышла. В то лето мы с ней помогали лель Рае убираться в конторе, она там уборщицей работала...

Почему-то меня неудержимо тянуло туда.

— Может, зайдём? — предложила я, но тут же сама отмахнулась. — Нет, нам ещё топать и топать. Доченька ждёт.

И такая в душе тоска по Наденьке. И одержимость в желании двигаться вперёд, сокращая расстояние.

Нам повезло — до Беловского совхоза нас подбросила попутка. А вот оттуда по вздутой волдырями глинистой дороге, покрытой мягкой коварной пылью, мы брели под распалёнными лучами около трёх часов, прикрыв напечённые солнцем макушки самодельными пилотками из газет. При этом редкий встречный транспорт, среди которого была даже лошадь с телегой, покрывал нас плотным слоем пыли, сквозь который мы пробирались, становясь всё более темнокожими.

От Загайнова до посёлка Лесного местность лесная, доро-

га песчаная. Клубы пыли также изредка оведали нас, но песок не глина, к нему мы привычные. Чувствовалось приближение родных, знакомых с детства мест.

Когда ноги были стёрты до невозможности, передвигаться становилось всё тяжелее и перерывы делались чаще, судьба, немного сжалившись, опять послала нам подмогу в виде трактора «Беларусь». Не бог весть какой транспорт, но спасибо трактористу, подбросил нас почти к самому селу Южакowo. А вот с километр до села и примерно столько же по селу до следующей окраины нам всё же пришлось ещё осилить, с превеликим трудом передвигая стёртые до крови ноги. Дальше не пошли, дожидались вечернего автобуса в конторе лесничества.

Когда добрались наконец до дома, испытали настоящее потрясение. Глядя на потерянное лицо бабы Кати, я долго не могла поверить ни собственным глазам, ни ушам. Она была удивлена не меньше нашего и очень расстроена.

— Девчонка с матерью у Райки, в Троицке, — сообщила бабушка.

Выходит, мы прошли мимо своей доченьки...

— Мы перестали доверять собственной интуиции, — произнесла я с горечью.

Миша обнял меня. Я уткнулась лицом в его плечо.

— Они должны были приехать сегодня домой, матери завтра на работу. Что теперь будет?! — сокрушённо качала головой бабушка.

Весь вечер и всю ночь мы не знали, куда себя деть. Мы сходили с ума от неизвестности. Как там наша доченька?! Почему мама не вернулась вовремя? Что могло случиться?.. Наши страхи усугублялись тем, что мы знали мамино пристрастие к спиртным напиткам.

Они прибыли на следующий день утренним автобусом. Слава богу, живы-здоровы. Накануне мама с лёлей Раей, как мы и предполагали, выпивали, потому и проспали на тот самый рейс, на который опоздали мы.

У мамы были большие неприятности на работе. Хорошо ещё не уволили, а перевели поваром в лес — она стала варить обеды рабочим лесоучастка.

Прогретая ласковым солнцем земля отдавала свою живительную энергию нам. Во дворе на зелёной мураве (надо же, поэтическая строчка получилась!) я расстелила старенькое покрывало и уселась туда с дочкой. В коротком ситцевом платье, в светлой лёгкой косынке, с пухленькими ножками и ручками в ямочках, похожая на пупса, моя доченька с четверенок босыми ножками вдруг встала на траву и, сделав пару неустойчивых шажков по покатоному бледно-зелёному холму, качнулась и мягко села на попу, приведя меня в полный восторг.

— Миша! — позвала я мужа из огорода. — Наденька пошла!

В десять месяцев! Попытки освоить вертикальное пере-

движение по мягкой земле, а потом и в доме, держась за разные предметы, дочка продолжала, приводя нас в умиление. Родители наблюдали за этим процессом сдержанно, мы с мужем — бурно выражая эмоции.

В понедельник утром мы возвратились в мегаполис, оставив нашу малышку (на свой страх и риск) на попечение моей семьи. А что делать?! Вариантов не было.

Отсутствие дочки, тоска по ней — казалось бы, эти обстоятельства должны были сплотить нас, но не получилось. Миша снова пришёл пьяный. И на следующий день.

Мы поссорились.

Я сказала, что не буду жить с пьяницей. И что я уйду из дома, если он хотя бы ещё раз... хоть капельку! Этот «раз» случился сразу.

Утром, когда Миша был на работе, я собрала свои нехитрые пожитки, уместившиеся в хозяйственной сумке, и ушла. Меня приютила Маша Иглова.

Маша жила в трёхкомнатной квартире с матерью, младшей сестрой (тогда ещё школьницей) и трёхлетним сыном Серёжкой, днём малыш был в детском садике, а в остальное время находился полностью на попечении бабушки. Это была удивительная женщина! Статная, красивая, сильная. Она и стирала, и готовила, и ухаживала за внуком, позволяя Маше получать высшее образование. Без мужа смогла обеспечить дочерям достойную жизнь. В доме порядок, все обуты, одеты, накормлены. Периодически она находила себе муж-

чину, но ни один из них надолго не задерживался. В первый раз (на моей памяти) это был настоящий мужик, из работяг, с руками и головой. Во всяком случае, гвоздь вбить в стенку мог. Помнится, она носила ему горшочки с котлетами в больницу, когда он там лежал. Совместная жизнь разошлась по швам после того, как он привёз к ним в дом свою престарелую мать. Они вместе слишком давили на дочек, пытались приучить их к порядку и к тому, чтобы помогали матери по хозяйству. Расстались. Второй был женатым человеком и к ним приходил отдыхать. Он всё время лежал на диване, а Машина мама в свободное от работы время (вечерами и в выходные) одна делала ремонт. И ни стона, ни жалобы, как будто это было в порядке вещей.

А ещё у Игловых постоянно кто-нибудь немножечко жил, я имею в виду нас, Машиных сокурсниц. И ни разу ни слова упрёка в наш или Машин адрес от её мамы я не слышала, не было ни одного косого взгляда. Потому и я без зазрения совести поселилась у них. Мы готовились к экзаменам и потихоньку скидывали этот груз со своих плеч. Политэкономия я жестоко завалила. Что вполне закономерно. Занятия и семинары по этому предмету я вообще не посещала и абсолютно ничего не понимала ни в политике, ни в экономике. Маша, как ни странно, тоже получила «неуд». Слишком высокие требования предъявлял к студентам педагог по этой дисциплине.

Лето разгулялось не на шутку. Солнце припекало так, что

лёгкое дуновение ветра не спасало от жары. Мы с Машей, прихватив чью-то тетрадь с лекциями, отправились на причал, довольно долго томясь в духоте автобусной; добираться с одного конца города на другой — задача трудная. Но вот и Старый базар и причал. И свежий речной воздух, слегка охлаждающий потные лица и голые ноги. Я надела свой любимый короткий ситцевый голубой в цветочек сарафан, Маша была в чём-то белом, более приличном по длине, но тоже лёгком. Катер быстро переправил нас на другой берег Оби, на оборудованный городской пляж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.